

СЕРГЕЙ МАТРОСОВ

Наследие богов

КНИГА ВТОРАЯ. ИДУЩИЕ
ЗА СОЛНЦЕМ

Сергей Матросов

**Наследие богов. Книга
вторая. Идущие за солнцем**

«Издательские решения»

Матросов С.

Наследие богов. Книга вторая. Идущие за солнцем /
С. Матросов — «Издательские решения»,

Судьба молодого государства, стоящего у западных врат, под угрозой. Тайный сговор правителей Киева и Норманов преследует цель захвата Новгорода и всех княжеских земель. Двум бесстрашным воинам князя Новгородского Рурика удаётся распутать этот клубок заговора и нанести врагу упреждающий удар в самое сердце.

Содержание

Часть первая.	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наследие богов
Книга вторая. Идущие за солнцем
Сергей Матросов

© Сергей Матросов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Дела тайные

Пролог

Холодный ветер, дующий со стороны Студёного моря, не утихал уже много дней. Для начала весны, это было чем-то из ряда вон выходящим. Тяжёлые дождевые тучи нескончаемой вереницей наплывали на материк, укрывая собой высокие горы. Казалось, что эти древние исполины, называемые в народе Камнем, просто исчезали в это время с лица земли. Лишь блёклое ещё не разогретое Солнце, на какое-то время разрывало серую пелену, открывая на короткий срок горбатые, ещё покрытые снегом, края вечных стражников.

Кутаясь от всепроникающего ветра в тулуп, Светлоок спускался вниз к Ельцу, оставив за спиной последнюю не высокую гряду Снежной Горы. За узким горлом неширокого Ельца, до дома уже рукой подать. Выбравшись на свободный от снега уступ, следопыт обстучал прилипший к меховым чуням мокрый снег и ещё раз осмотрелся. И в этом месте тропа была не тронутая. То, что называлось тропой, на самом деле таковой не являлась. Было место, по которому она яко бы проходила и всё. Каждый день Светлоок, должен был проходить по этой тропе и следить за тем, что бы на ней не появилось человеческих следов и вообще присутствия человека. Путь на эту тропу закрыт для всех, и знают о ней очень не многие. Куда ведёт эта тропа, не знал даже он. Под страхом смерти сам Атеон запретил подниматься на северный склон Горы, а если Светлоок, заметит на тропе чужие следы, то должен об этом сразу же сообщить воеводе Олегу.

Перепрыгивая с камня на камень, он быстро пересёк Елец и поднялся на пригорок. Отрезанный от гор глубокими ущельями, перед ним, как на ладони лежал Китеж. Небольшой потерявшийся в необъятных просторах земли и времени, городок, обнесённый высокими бревенчатыми стенами. За этими стенами в несколько рядов стояло около сотни жилых срубов из отёсанного кедра. В центре города возвышался детинец. Здесь жили старцы и сам воевода.

На краю Китежа, почти у самых крепостных стен приютилась маленькая избушка Чёрного Колдуна. Старый сгорбленный старик с длинной седой бородой жил один и чурался людей. Жители города отвечали ему тем же, но проходя мимо него, всегда кланялись, признавая ни сколько его почтительный возраст, сколько опасаясь его дурного глаза. Среди людей ходила молва, что старик тот, всегда одетый в чёрную хламиду, занимается ворожбой и знает с оборотнями. Однако, как бы там ни было, но его часто видели в присутствии старцев и воеводы. Одним словом Колдун был вхож в детинец, да и к нему в избу частенько навевались именитые гости.

Пройдя городские ворота, Светлоок столкнулся лицом к лицу с Фарлофом и Веремудом. Дружинники, обрадовавшись такой встрече, обхлопали его своими огромными руками по плечам. От их дружеских похлопываний у Светлоока, подогнулись колени.

– Мы уже думали, – Фарлоф не убрал свою руку с его плеча – что будем искать тебя до самого вечера.

Светлоок отступил на шаг, сбрасывая тяжёлую руку дружинника.

– Зачем я вам?

Веремуд тут же схватил его снова и слегка сжал, что бы их находка невзначай не убежала. Светлоок поморщился от боли. Не обращая на это внимания, Веремуд сказал:

– За тобой нас воевода послал.

– Зачем я ему понадобился?

– О том он тебе сам скажет.

Огромного роста дружинник, наконец, отпустил затёкшую руку Светлоока.

– Тебе велено идти в избу Колдуна и там ждать.

– Чего ждать? Смерти?

Дружинники рассмеялись. Веремуд хотел ещё раз хлопнуть парня по плечу, но тот ловко увернулся.

– Мы не знаем, чего ты будешь там ждать. Олег с Колдуном сейчас у Атеона. Видимо разговоры ведут про твою душу.

Прекратив смеяться, Фарлоф сказал серьёзным голосом:

– Как бы там ни было, ты знаешь, что бывает за послушание. Иди и жди, как велено.

Дружинники, выполнив свою миссию, повернули и пошли к детинцу, что-то обсуждая между собой. Светлоок проводил их взглядом и вздохнул. Деваться действительно было не куда. Ослушаться старейшин мог только полоумный. Не зная, что его ждёт, он побрёл к избушке Колдуна.

Не постучав, он отворил скрипучую дверь и вошёл внутрь. В избе было тепло и пахло какими-то травами. Прикрыв за собой дверь, Светлоок оказался в полной темноте. В избе не было ни одного окна, если не считать маленькую щель в восточной стене, через которую Колдун наблюдал восход Светила. На одной из стен ещё теплилась не догоревшая лучина. Вытащив её из трещины, Светлоок раздул маленькое пламя. В его слабом свете он увидел пригоршню сосновой щепы, лежащей тут же у стены на полу. Сжав в руке целый пучок этой щепы, поднёс его к огню. Когда разгорелось яркое пламя, Светлоок, осмотрелся вокруг. Большая комната, в которой он находился, вся была заставлена деревянными истуканами. Фигурки вырезанных из дерева Богов в человеческий рост, стояли вдоль стен, и казалось, наблюдали за ним своими чёрными угольками глаз. Стало немного жутковато. Поборов в себе страх, следопыт, подняв выше свой небольшой факел, пошёл вдоль стен, рассматривая уродливые лица этих истуканов. Доски пола скрипели под ногами, издавая противную какофонию звуков. Неожиданно к этой какофонии прибавился ещё один звук – звук ломающегося дерева. Пол так же неожиданно ушёл из-под ног, и он начал проваливаться в какую-то бездну. Больно зацепившись рукой о край сломанной доски, с ужасом почувствовал, что опоры под ногами всё ещё нет, и он летит куда-то вниз. Казалось, что это падение ни когда не кончится. Ударившись несколько раз спиной о твёрдую каменную стену, вдоль которой он летел, ноги, наконец-таки коснулись твёрдой опоры. Пучок горящих лучин так и остался в крепко зажатой руке, освещающая узкую глубокую щель подполья Колдуна. Осмотревшись, Светлоок понял, что находится в каменном мешке. Узкий проход шёл только в одном направлении, удаляясь куда-то вниз и в сторону от злополучного капища. Пока горели лучины, следопыт пробирался по этому каменному коридору, не представляя, куда он его выведет. Скоро стены прохода стали расширяться и идти стало намного легче. Небольшой факел догорел до половины, когда Светлоок вышел в широкое помещение. Слабый свет от догорающих лучин не давал возможности разглядеть, что было в этой каменной комнате. В одной из расщелин он увидел торчащую из неё толстую палку, обмотанную древесной паклей. От души отлегло. Это был факел, сделанный и оставленный тут кем-то из людей. Запалив от огня лучин пропитанную смолой паклю, он вытащил его из расщелины. Подняв над головой вспыхнувший ярким огнём факел, осмотрел комнату. От того, что он увидел, ком поднялся к горлу, а ноги приросли к каменному полу. Вдоль стен стояли большие короба доверху набитые сокровищами. Золотые самородки с кулак величиной, горой лежали в этих коробах. Самоцветы искрились и переливались от малейшего попавшего на них лучика света, всеми красками. Изумруды, сапфиры, рубины – наполняли открытые сундуки. Горы глыб малахита и какого-то чёрного камня, занимали почти всё пространство этой комнаты. Светлоок, любуясь сокровищами, забыл о своём недавнем страхе. Забыл, почему и зачем он здесь. Сейчас время для него остановилось. Очнулся он от того, что чуткий слух уловил непонятные ему звуки, идущие из глубины пещеры. Ещё раз осмот-

ревшись, следопыт направился на этот звук. Нужно было как-то выбираться отсюда. Как оказалось, проход в комнату с сокровищами был не длинным. Уже скоро свет от факела упал на вырубленную в породе лестницу. Поднявшись по этой лестнице вверх, он упёрся в плоскую скальную глыбу. Как же это так? Подумал он. Лестница есть, а двери нет. В который раз на душе стало не хорошо. От отчаяния Светлоок выронил из рук факел и тот покатился по лестнице вниз, забирая с собой спасительный свет. Сил спускаться вниз уже не было. Охватившее его отчаяние сменила безудержная ярость. Что есть сил, он начал колотить руками по преграждавшей выход глыбе. То ли Боги его услышали, то ли сама скала смилоствовалась над несчастным следопытом, но неожиданно, раздался громкий щелчок, и глыба медленно стала подниматься вверх. После темноты, яркий свет, ударивший по глазам, на некоторое время ослепил его и заставил зажмуриться. Когда всё прошло и Светлоок вновь открыл глаза, то в образовавшемся проёме он увидел перед собой Чёрного Колдуна и воеводу Олега.

– Пока мы думали, кого посылать, – Колдун добродушно рассматривал следопыта – Боги сами сделали выбор.

Они без всякого укора рассматривали перепуганного парня.

– Выходи из пещеры. – Воевода подал ему руку. – Стена сейчас начнёт опускаться.

Схватившись за предложенную руку, тот мигом выскочил наверх.

– Я не знал. – Начал заикаясь, оправдываться Светлоок. – Пол провалился и я упал. Я не нарочно.

– Мы знаем. Действительно, как говорит Колдун, тебя выбрали Боги.

Олег взял его под руку и повёл по какому-то ущелью к городу. Как оказалось, следопыт ушёл под землёй достаточно далеко от него. Этой дороги он не знал, хотя мог бы поклясться, что знает каждую тропинку в окрестностях Китежа. Когда они опять оказались в избе Колдуна, его усадили на скамью. Сам Колдун разжёг лучины, беспорядочно торчащие из бревенчатых стен. После того, как слабый свет осветил страшную комнату, он вернулся к своим гостям. Олег присел рядом и, пытливо разглядывая незадачливого следопыта, продолжил разговор:

– То, что ты видел в пещере, это принадлежит не нам.

– А кому?

– Придёт время, и ты всё узнаешь, а пока забудь о том, что видел. Об этом, не должен знать ни кто. Теперь ты посвящённый и на тебе, как и на всех нас лежит обет молчания. Любое опрометчиво сказанное слово – смерть.

Светлоок вздрогнул всем телом, косясь на чернеющую дыру проваленного пола. Теперь он понимал, куда и зачем ходили городские мужики, пропадая почти на всё лето, а вернувшись, были усталыми и неразговорчивыми. Олег продолжал:

– Ты знаешь все тропинки и дороги. Можешь читать следы, оставленные даже на камне. Только ты можешь отыскать пропавший обоз.

Ни чего пока не понимая, Светлоок переводил взгляд с Олега на Колдуна и обратно.

– Какой обоз?

– Из Новгорода вышел к нам обоз. Этот обоз не дошёл до условленного места и пропал. Тебе предстоит найти этот обоз или то, что от него осталось.

– Где же я буду его искать?

– Ты знаешь нашу тайную дорогу, ведущую на запад. По ней и пойдёшь. Обоз и людей нужно найти. С ними князь передал для нас бересту. Если её не сожгли, нужно принести её будет сюда. Возьмёшь любого коня и, не мешкая в путь.

Колдун подтолкнул следопыта в плечо.

– Чего сидишь? Если всё понятно, то собирайся в дорогу. Время не ждёт.

Глава 1

Сытник стоял у окна и всматривался в обложенное тучами небо. Лютые морозы отпустили давно, но долгожданное тепло не спешило греть прозябшую землю. Третий день к ряду лили проливные дожди, смешанные со снежной крупой. Дороги развезло так, что ноги коней вязли в грязи по самое брюхо, а колёса телег напрочь застревали в ней, как в болоте. Не желая отступать зима сделала людей заложниками своей прихоти. Горестно вздохнув, Сытник почесал округлившийся за зиму живот, зевнул и посмотрел на тёплые полаты большой печи. Спину ломило от долгого лежания, но придумать, чем бы заняться ему в этот день он так и не смог. Всепоглощающая лень накрыла его, словно пуховым одеялом. Так и не определившись с делами, он подошёл к большой кадке с водой, стоявшей около печи и, набрав из неё полный ковш воды, жадно выпил всё до капли. Вытерев рукавом рубахи подбородок, с обречённостью опять посмотрел на полаты. В этот момент с улицы забарабанили в дверь и, не дожидаясь приглашения, распахнули её настежь. Холодный ветер тут же ворвался в избу, вытесняя накопленное за ночь тепло. Такая бесцеремонность вывела Сытника из себя.

– Почто, как медведь вваливаешься без спросу? – Тут же гневным голосом добавил, – дверь затвори, а то тепло уходит!

Вошедший быстро затворил дверь и, обстукивая об пол грязные сапоги, обернулся лицом к хозяину избы.

– Не гневайся хозяин. – Незванный гость улыбался во всё лицо, продолжая сбивать грязь со своих сапог. – Праздник сегодня! Народ к детинцу потянулся княжича славить. Один ты на печи лежишь и ни чего не знаешь.

Перед Сытником стоял княжеский приказчик Власий. Стянув с головы меховую шапку, он мял её в руках, переминаясь с ноги на ногу, втапывал в пол занесённую грязь. Это ещё больше разозлило хозяина.

– Да не топчись ты как мерин! Говори толком, что случилось? О каком ещё княжиче толкуешь?

Хитро прищурившись и не обращая внимание на что-то бурчащего Сытника, улыбающийся Власий, пояснил:

– Да радость то всем, какая! У князя нашего сын родился!

– А не врёшь? – Сытник пытливо посмотрел на приказчика, но по его улыбающейся физиономии понял, что не врёт. – Слава Богам! Дождались.

Сменив гнев на милость, продолжил:

– Ну а от меня, тебе что надо?

Власий опять затоптался на месте, превращая истоптанную грязь в большую грязную лужу.

– Так князь тебя к себе зовёт.

– Раз зовёт, значит приду.

– Немедля зовёт.

– Немедля и приду. А ты ступай и скажи князю, что Сытник уже идёт.

Власий насунув свою шапку на самый лоб, быстро выскочил из избы. Посмотрев на оставшуюся после приказчика грязную лужу, растёкшуюся по всему полу, хозяин тяжело вздохнул. Говорили ему, что в доме хозяйка нужна. За работным людом глаз да глаз нужен, а ему всё не с руки челядью командовать. Особо ни куда не торопясь, он опустился на лавку, не сводя глаз с натопанной лужи. Что княжич родился, это хорошо. Давно ждали. Наконец будет, кому людьми править после Рурика. Постарел князь. Рука уже не та. Трудно ему народом управлять. Всё подобрах хочет, да только это добро ему же боком выходит. Поднявшись с лавки, Сытник стянул с себя нательную рубаху. Однако идти надо. Раз зовёт, значит, что-то просить будет. Да

оно и так понятно. Сытник облачился в свежую, вышитую узорами рубаху, накинул поверх её меховой тулуп и, натянув на ноги сыромятные высокие сапоги, выйдя на улицу, направился к детинцу.

На улицах Новгорода и впрямь былолюдно. Не смотря на раннее утро, народ выходил из домов и, кляня почём свет непогоду, подтягивался к княжескому дому. Настроение у всех было приподнятое. Шутка ли – у князя сын родился! В предвкушении за такое событие княжеских щедрот, ещё не доходя до детинца, из всех уголков неслись здравицы и хвалебны князю, а так же новорождённому княжичу. У людей был праздник. Пропитываясь всеобщим настроением, Сытник подходил к детинцу. Новый высоченный каменный дом был виден издалека. Ни чета прежнему в Городище. Перед широким крыльцом, на самом верху массивной арки из цельного куска дуба, умельцами была вырезана фигура сокола – княжеский герб. У крыльца расположилось десятка два дружинников в полном боевом снаряжении для примотра за самыми любопытными, готовыми вломиться в детинец доброхотами, что бы лично лицезреть княжича. Обстучав свои сапоги об доски настила, Сытник поднялся на крыльцо. Хоть и не частым гостем он был здесь, но стража его узнала и пропустила в дом. Внутри дома царилася такая же суеда, как и на улице. Работные девки и тётки почти бегом сновали по столовым комнатам, готовя угощение и прибирая большую людскую комнату. Сегодня к вечеру съедутся знатные гости со всего Новгорода. Здесь внизу его встретил всё тот же Власий.

– Ты долго собирался. Князь заждался тебя.

Его противная улыбка на лице напомнила Сытнику об оставленной грязной луже в его передней. Подойдя к приказчику ближе, Сытник схватил его за грудки одной рукой и притянул к себе. От такого обращения у Власия мигом слетела с лица его слащавая улыбка. Крепко сжимая рукой ворот его рубахи, Сытник процедил сквозь зубы:

– Ни когда больше не говори мне упрёков, смерд княжий. Удавлю.

Сказав это, Сытник оттолкнул от себя напуганного приказчика и поднялся по лестнице в княжеские покои. Если бы у него на затылке были глаза, то он бы увидел, как приказчик с ненавистью посмотрел ему в след.

В верхних покоях было тихо. Здесь ни кто не смел понапрасну тревожить князя. Личная охрана, стоявшая у широкой лестницы, пропускала лишь тех, кого князь сам хотел видеть. Сытника пропустили, заведомо зная, что князь посылал за ним. Кивнув головой в знак приветствия начальнику стражи Следаку, он открыл тяжёлые дубовые двери и вошёл внутрь. Стоявший у двери Следак, не ответил на приветствие, но проводил Сытника долгим изучающим взглядом. Пройдя по тёмному коридору, он повернул вправо и шагнул под вырезанную в стене арку, завешанную тяжёлым бархатом.

– Здравствуй Сытник. – Рурик сидел в просторном кресле и читал какую-то грамоту. – Ждать заставляешь.

Сытник поклонился князю.

– И ты будь здоров княже. Дороги к тебе развезло, вот и задержался малость. С наследником тебя.

– Единственная радость за последнее время. Подойди ближе и садись рядом. Разговор у нас будет не для чужих ушей. Знаю тебе можно довериться. Ты не раз доказывал свою преданность, потому тебя и выбрал.

Сытник подошёл ближе к князю и сел в предложенное кресло.

– Значит, тайный разговор у нас будет?

Рурик разгладил свою густую бороду и пристально посмотрел на Сытника.

– Аль боишься ты тайных разговоров?

Сытник пожал плечами.

– С тобой князь, я готов обсуждать любые разговоры. Но только с тобой и ни с кем более. Удовлетворённый ответом Рурик, кивнул головой.

– Ты прав. Время сейчас такое, что верить можно далеко не всем. Ты сиди и слушай, что я буду тебе говорить. Внимательно слушай.

Князь был не на шутку встревожен, и эта тревога начала передаваться и Сытнику.

– Как мне стало известно, киевляне со своим правителем Диром заключили тайный союз с конунгом норманн Эйриком. Этот союз не сулит нам ни чего хорошего, поскольку направлен он против нас. Дир отдаёт Эйрику на разграбление наши города Изборск и Белоозеро, включая сам Новгород. Его дружины во главе с Аскольдом не выступят на нашей стороне, но и не будут мешать норманнам завоёвывать русские земли. Эйрик собрал большое войско и готов к войне. Новгородских дружин не хватит, что бы противостоять им. Нужно звать на помощь кривичей, но Аскольд уже перекрыл все дороги и выставил на них свои вооружённые отряды так, что мышь не проскочит. Более помощи нам ждать неоткуда. Древляне, как всегда займут выжидательную позицию и ни кому помогать не будут. Получается, что сейчас мы в кольце своих недругов. Свой поход Эйрик может начать уже этой весной. Времени, что бы отвести от Новгорода эту угрозу, у нас почти нет. Нужно торопиться.

Закончив говорить, Рурик взял со стола закрученное трубочкой берестяное послание, которое до этого держал в руках и протянул Сытнику.

– Вот прочти. Я этот свиток уже который раз перечитываю.

Сытник развернул свиток и пробежал глазами по кривым строчкам письма.

– Ты уверен, князь, что эта грамотка подлинная? – Прочитав свиток, Сытник вернул его князю. – Может завистник какой специально её состряпал, что бы ты с Диром сцепился?

– В том-то и дело, что подлинная. Тому человеку я верю, как самому себе.

– Позволь узнать, что за человек такой, которому ты доверяешь судьбу своего народа?

Рурик пристально посмотрел в глаза Сытника, но тот не отвёл глаз и продолжил:

– Говори, князь. Раз ты мне доверился, то доверяй до конца, иначе согласия меж нами не будет.

– Ты прав. Раз доверился, то и утаивать нечего. – После короткой паузы он сказал:

– Этот свиток привёз Ефанде человек Рагнера. Рагнер – брат Эйрика, а Ефанда – сестра его по отцу. У Рагнера с Эйриком давняя вражда за престол, потому он не поддерживает своего брата идти войной на Новгород. Эйрику наплевать, что какая-то его родственница жена новгородского князя. Для него родственные узы ни что по сравнению с властью и деньгами. Такое же отношение у него и к Рагнеру. Эйрик пошлёт его во главе войска в надежде, что его просто убьют в одной из битв.

– Почему Рагнер не повернёт это войско против самого Эйрика?

– Не так всё просто. Рагнер военачальник шутовской. На самом деле войском заправляют люди Эйрика. При малейшем подозрении в измене, Рагнера просто зарежут.

– Однако, дела. – Сытник почесал свою взъерошенную шевелюру. – А что же ты князь от меня хочешь?

Рурик открыл было рот, но не сказал ни слова. В этот момент в комнату вошла сама княжна Ефанда. Сытник поднялся из кресла и поклонился ей в пояс.

– Будь здрава княжна. С княжичем тебя.

Ефанда улыбнулась ему и, подойдя к мужу, обняла его, не стесняясь гостя.

– Спасибо, Сытник. Вижу у вас с князем доверительные беседы? – Ефанда обратилась к князю. – И о чём вы тут секретничаете?

Рурик улыбнулся жене, но на её вопрос так и не ответил.

– Зачем ты встала? Ты ещё слаба. Как там Игорь?

– Игорь наелся и спит, как положено любому младенцу. С ним сейчас тётки. Ты не ответил на мой вопрос.

Князь пожал плечами.

– Это тебе будет интересно. О торговых делах мы беседуем.

Княжна поняла, что зашла не ко времени, но хитро прищурившись, она усмехнулась.

– А Сытник первый купец в Новгороде.

Князь удивлённо посмотрел на Ефанду. Сытник понял о чём речь и решил не вступать в разговор, надеясь на сообразительность князя.

– Ты о чём радость моя? О том, что Сытник был когда-то у меня военачальником? Так это давно было, а сейчас он по другим странам разъезжает и казну нашу увеличивает.

– Обиженная недоверием Ефанда, направилась в свои покои, на ходу бросив:

– А ты его спроси, он считать умеет? На его руках мозоли от рукояти меча не сходят. – Подойдя к двери, она обернулась. – Прошу, не затевай ни чего. Может ещё всё обойдётся.

Сказав это, она шагнула через порог и прикрыла за собой скрытую драпировкой дверь в самом углу приёмной комнаты князя. Рурик поднялся из кресла и, вздохнув подошёл к завешенной портьерами арке. Откинув тяжёлую ткань, он вышел к лестнице. Убедившись, что его охрана на месте, вернулся в комнату.

– Наш разговор не для чужих ушей, и княгине лучше всего не знать. У неё сейчас одна забота – Игорь.

– Что же ты от меня-то хочешь князь? – Сытник вернул разговор в прежнее русло. – Чем я могу помочь тебе?

– Речь идёт не обо мне. Мы сейчас говорим о жизни всего нашего народа. Если Дир сядет на наших землях, то он продолжит свои набеги дальше на восток и на юг. Подомнёт под себя все славянские племена. Разорит города и истребит много народа. Он откроет путь на север степнякам и хазарам.

– Неужели он сам этого не понимает? Ведь он, то же славянин.

– Да, он славянин. Однако его корни происходят от древних воинствующих племён. Когда-то его род наводил ужас на соседние племена, которых уже нет и в помине по причине их полного истребления. Дир чтит своих предков и мечтает о былом могуществе своего племени.

– Ты хочешь его уничтожить?

– Хотелось бы, но уже поздно. Дружины я отправил в Изборск на помощь Трувору и Синеусу. В Новгороде осталась дружина только для обороны города. Идти сейчас на Киев просто невозможно.

– Что же тогда делать? Сидеть и ждать, когда норманны придут?

– Сидеть мы не будем. Для того я тебя и вызвал.

Князь какое-то время помолчал, что-то про себя обдумывая, потом сказал:

– Дорога дальняя тебе предстоит. На Камень пойдёшь. Под видом купца, загрузишь телегу товаром. К кому идти я скажу позже. Хочу сказать тебе, что путь этот знаю только я и ни кто более. Этот путь тайный и его ни кто не должен знать. Прежде чем я тебе его открою, дай клятву, что о нём ни кто не узнает.

Рурик поднял глаза на Сытника. Тот, в свою очередь, уже понял, о чём речь. В народе ходила молва, что князь знается с нечистой силой. Рассказывали, как очень давно, при битве на берегах Руссы, полчища степняков он пожёг колдовским огнём. Ещё говаривали о том, что Рурик владеет заговоренным мечом, потому не проиграл ещё ни одного сражения. Люди про меж себя этот меч называли «Кладенец». Того кто владеет этим мечом не победить ни кому потому, как этот меч даже камни перерубает напополам. Говорили много чего, но говорили очень тихо, что бы слова эти не дошли до князя. Сытник понял, что сейчас князь открывает перед ним дверь в свои тайны. Было не много жутковато.

– Клянусь, князь. Ты можешь на меня положиться.

– Добро.

Князь опять поднялся из кресла и прошёл под арку. Назад он вернулся с начальником своей охраны Следаком.

– Я думаю, что этого человека ты знаешь. – Рурик подвёл Следака ближе к Сытнику. – Пойдёте вместе. Одному это дело не осилить.

Сытник поднялся со своего кресла и, не отрывая глаз от Следака, сделал шаг ему навстречу.

– Ну что ж князь, этого воина я хорошо знаю. – Он протянул Следаку руку. – Если считаешь, что мне такое дело не по зубам одному, тогда пойдём вдвоём.

Они пожали друг другу руки и повернулись к князю. Рурик нахмурился после слов Сытника.

– Я не хотел тебя обидеть, но и ты меня должен понять. Слишком многое стоит за вашей тайной поездкой. Я не могу рисковать судьбой целого народа.

В разговор вступил Следак, обращаясь к Сытнику:

– Все знают тебя как бесстрашного воина, но то, что сейчас происходит одному не понять. Ты ещё многого не знаешь.

Сытник метнул взгляд на князя.

– Ты что-то от меня утаил?

В его голосе звучала обида. Князь ухмыльнулся.

– Вот потому вы и пойдёте вдвоём, что бы понять, что вообще происходит.

Сытник сбитый с толку переводил взгляд с князя на Следака и обратно. Предстоящая поездка ему не нравилась всё больше.

– Да объясните мне, наконец, что произошло на самом деле.

Князь посмотрел на Следака.

– Объясни. У тебя лучше получится.

Тот кивнул головой и приступил к рассказу.

– Последнее время происходят странные вещи. Тайный гонец от норманн, передавший князю свиток исчез. Мы обыскали всё в округе и ни чего не нашли. Ни гонца, ни его тела. Хорошо, что он свиток успел передать.

Сытник перебил его:

– Может он скрытно ночью ускакал, что бы его ни кто не видел? Вот и все дела.

Следак затряс головой.

– Как только вечером он прибыл в Новгород, я его отвёл к амбару. Там есть потайная комната, и передал ему, что князь велит дожждаться его. Ночью мы с князем прошли в амбар. Комната эта была пуста. Гонец просто исчез.

– И, что дальше?

– Ни чего. Поднимать шум было нельзя. Искали ещё два дня и ни чего не нашли.

Сытник почесал затылок.

– Да – а, дела.

– Это ещё не всё. – Следак взглянул на князя и тот кивнул головой, видимо разрешая говорить. – Месяц назад ушёл целый обоз в сторону Камня.

– Ну и что случилось с этим обозом?

– Он, то же исчез. Исчезли люди, кони, телеги. Всё исчезло.

Сытник удивлённо смотрел на Следака.

– Может они ещё не пришли к месту? Чего зря шум поднимать?

– Они просто не дошли до места. Если бы они там были, мы бы узнали.

В разговор вступил князь:

– Теперь ты понимаешь, что вы должны ехать, не привлекая к себе ни какого внимания? Я думаю, что здесь в Новгороде, есть тайные люди Дира. Ваша поездка может пролить свет на многие вещи. Главное, конечно, вам нужно добраться до Камня. За речкой Усой, перед Камнем есть городок Китеж. На его окраине найдёте избу Чёрного Колдуна. Он отведёт вас к Большой Снежной Горе. Там он скажет, что вам делать дальше.

– Как мы найдём этот Китеж?

– Вы будете идти по указанному пути на северо-восток до Белоозера. Там вас встретят надёжные люди и укажут ваш дальнейший путь. Что бы эти люди вас узнали, возьмите вот это. Князь протянул им в руке нательные обереги.

– Наденьте их себе на шею и не снимайте, пока не вернётесь назад.

Сытник взял из руки князя оберег и внимательно его рассмотрел. На лицевой части золотой пластины была выбита фигура сокола. На обратной, мелкими буквами вырезана фраза «Иди и найдёшь свой путь». Покрутив в руках оберег, Сытник повесил его себе на шею.

– Это всё, что ты даёшь нам в дорогу?

– Нет, не всё.

Рурик подошёл к своему столу для письма и выдвинул маленький ящичек, приделанный снизу столешницы. В этом ящичке находилась свёрнутая в трубочку небольшая берестянка. Грамота была плотно перетянута бичевой и вся залита воском. Через толстый слой жёлтого воска просматривалась княжеская печать в виде того же сокола. Князь протянул её Сытнику, как бы подчёркивая его старшинство, но обратился к обоим:

– Берегите её пуще жизни. В ней наше спасение. Если будет угрожать явная опасность, то уничтожьте её. Эту грамоту вы передадите только тому человеку, у которого на шее будет такой же оберег, как и у вас и больше ни кому.

Приняв от князя грамоту, Сытник поклонился ему.

– Не переживай князь. Головы сложим, но грамоту доставим по назначению.

Стоявший рядом с Сытником Следак, так же поклонился князю.

– Всё выполним, как ты велишь, князь. Когда нам выступать?

– Когда гулянье будет в разгаре, тогда и выступайте. – Князь глянул на Сытника. – Я надеюсь, товар ты соберёшь? Купец, как ни как.

– Не тревожься за это. Кое-что в моих закромах осталось с осени.

– Ну, тогда в путь. Помните, что только от вас зависит мир на нашей земле. Идите. Боги помогут вам.

Сытник и Следак ещё раз поклонились князю, и вышли из его комнаты. Спустившись по лестнице к крыльцу, они увидели заполненную разным людом площадь перед детинцем. Люди, размахивая руками, кричали князю здравницы. На площадь уже выкатывались из княжеских кладовых бочки с пивом и мёдом. Стряпухи выносили на больших противнях испеченный хлеб, мясо и разносолы. Гулянье начиналось. Осмотрев ещё раз толпу народа, Сытник дёрнул за рукав своего напарника.

– Нужно спешить. Скоро эти бочки опустеют, а от мяса останутся только кости. Сытый и пьяный народ разбредётся по домам, и мы будем в городе со своей телегой, как чирый на носу.

Прибавив шаг, они, утопая в весенней жиже из грязи и снега, быстро пошли к дому Сытника.

Сборы были не долгими. В готовую повозку накидали разных вещей, не представляющих особой ценности. Отрезы сукна, куски кожи. Глиняная посуда и другая домашняя утварь была беспорядочно свалена на задки телеги. В обширном сарае Сытника всё валялось в беспорядке, потому в телегу бросалось всё, что попадало под руку. Перебирать вещи просто не было времени. Пройдя в дальний угол сарая, Сытник достал из-под стога сена объёмный свёрток. Развернув его, Следак увидел целый арсенал разного оружия. Здесь были короткие мечи, широкие ножи и узкие кинжалы. Пара коротких хазарских луков и несколько колчанов со стрелами. Тут же лежали куски круглых прутков, заострённых с обеих сторон. Следак удивлённо посмотрел на Сытника.

– Это ещё что?

– Потом объясню. Укладывай всё в телегу и не забудь накрыть сеном.

Пока Следак натаскивал в телегу сена, Сытник зашёл в дом. Собрав в холщёвый мешок продукты, он на какое-то мгновение остановился. Осмотрел дом. На душе стало тоскливо. Каждый раз, собираясь в дорогу, Сытник проделывал этот ритуал. Не потому, что привык, а потому, что считал свой дом живым существом. Живя в одиночестве, он не раз разговаривал вслух, чего-то ожидая от бревенчатых стен дома. Иной раз просто вслушивался в тишину, ища ответа на свои сказанные вопросы. Ответы приходили сами собой, рождаясь в его голове. За это он был благодарен дому и искренне верил в его живой дух, а так же знал, что в его отсутствие, он ждёт его и сам тосковал по родным стенам. «Ну, прощай. Не знаю, увидимся ли мы снова. Но ты не надейся, что тут будет жить кто-то другой. Я обязательно вернусь. А ты жди». Поклонившись дому у порога, Сытник направился в сарай к Следаку.

– Ты где был так долго? – Следак впрягал в телегу пару коней. – Ни как с домом прощался?

Все знали о такой странности Сытника и иногда подшучивали над ним.

– Не твоего ума дело.

– Да не сердчай. Я ведь всё понимаю.

– Раз понимаешь, нечего и спрашивать. Выводи телегу во двор, сердобольный.

Следак улыбнувшись, взял коней под уздцы и вывел их вместе с телегой из сарая.

– Больно кони у тебя хорошие. Жалко таких в телегу впрягать.

– Этим коням я жизнью обязан. Они наученные. Своё дело знают.

Сытник подошёл к коням и потрепал их по холке. Наклонившись, подтянул ремни небольших сёдел, заранее накинутых на их спины.

– Кажется, всё. Пора выдвигаться.

Он кинул в руки Следака широкую накидку с капюшоном.

– Надень. От сырости спасёт, да и от дурного глаза.

Накинув на плечи такую же накидку, он запрыгнул на телегу и взял в руки вожжи.

– Ну, родимые, пошли помаленьку.

Кони послушно дёрнули повозку, и пошли, набирая ход к северным воротам города.

Людское гулянье было в самом разгаре. Объезжая детинец стороной, путники видели большое скопление народа. На радостях люди что-то пели, кто-то выплясывал прямо посреди большой лужи. Было весело. Народ радовался рождению своего княжича. На их телегу ни кто не обращал внимания. Все были заняты весельем. Через некоторое время телега скрылась из поля зрения гуляющего народа. Ворота были уже не далеко. Сытник скинул с головы капюшон, мешающий ему смотреть за дорогой, и сказал:

– Кажется, проскочили.

– Похоже на то.

Если бы путники были чуть осторожнее, они бы увидели, как из толпы людей их телегу провожает пара внимательных глаз. Когда телега с Сытником и Следаком, увязая в грязи, миновала северные ворота, чуть погодя через восточные ворота Новгорода проскочил одинокий всадник и взял направление на Ладогу.

Глава 2

Княжеский детинец напоминал растревоженный улей. К вечеру со всего Новгорода и подвластных князю городов съехались дорогие ему гости, что бы чествовать рождение княжича Игоря. Давно ждали появления на свет приемника Рурика, потому весть об этом событии обрадовала многих. Но и многих заставила задуматься, а некоторых откровенно огорчить. Желающих занять место князя было достаточно. Прибывший из Изборска Синеус – брат Рурика, не скрывал этого и с кислой миной вливал в себя из огромного кубка княжеский мёд. Длинные столы, поставленные в людской, ломились от яств. Здесь же рядом со столами стояли бочки с пивом и мёдом. Сновавшая вдоль столов прислуга едва успевала наполнять ими пустые чаши и убирать со стола обглоданные кости. Скоморохи во всю дули в свои флейты и били в бубны. Голоса захмелевших гостей становились громче. Здравицы княжичу начали переходить в открытые вечно неразрешённые споры между боярами и купцами. Что бы доказать свою правоту, некоторые стали хвататься за рукояти мечей. Каждый хотел доказать свою значимость и незаменимость на службе князю. Пожилой купец Коснятин из Городища, шатаясь на ногах и тыча указательным пальцем в грудь боярина Борислава, кричал во весь голос:

– Это не ты, а я опора князя! От меня зависит толщина княжеского кошелька! А ты из этого кошелька только брать умеешь! Вот и скажи, какой от тебя прок князю? Дармоед ты!

Борислав, перехватив рукой упирающийся в его грудь палец, дёрнул его резко вниз, причиняя Коснятину боль. Тот что-то закричал, пытаясь вырвать свой палец из боярской руки. Не обращая внимания на его вопли, Борислав кричал ему в ответ:

– Ты, купеческая рожа, запомни на всю оставшуюся жизнь, что мы, бояре на то князем и поставлены, что бы жили такие, как ты! Дай тебе волю, ты простых людей голодом заморишь, лишь бы кошель свой набить! Бороду отрастил, а не понимаешь, что всё княжество не на тебе держится, а на простом люде! Не будет людей работных, чего ты жрать тогда будешь?

Боярин отпустил палец Коснятина и толкнул его обратно на лавку. Тот кулем рухнул на седалище, дуя на распухший палец и бросая из подлобья косые взгляды на Борислава.

Веселье продолжалось. После таких стычек по всему залу раздавался дружный смех и одобрение выигравшему спор. Сам Рурик сидел во главе столов, на возвышении в кругу своего брата Синеуса, воеводы Крута и нескольких бояр. Слушая перепалки своих гостей он, то хмурился, то смеялся вместе со всеми. Однако, по его виду было заметно, что князь чем-то озабочен. Порой во время веселья, Рурик сидел с отрешённым видом, глядя куда-то в сторону. Иногда тяжело вздыхал, поглядывая на большую дубовую дверь, ведущую в его покои. Перехватив его взгляд, Синеус спросил:

– Здоров ли ты князь? Вижу, не радует тебя веселье. О чём думаешь и тревожишься?

– Не обращай внимания. Устал я за последние дни. Покоя хочется.

– Ой, ли?

В разговор вмешался Крут:

– Не гоже гостям показывать свою скуку. Потерпи князь, уж скоро все перепьются. Больно мёд твой крепок, а пиво хмелит быстро. – Не дожидаясь ответа от князя, он продолжил: – Лучше скажи мне, зачем ты все дружины в Изборск отправил? Чем я Новгород защищать буду? Одной дружины маловато будет.

За князя ответил Синеус:

– Твои дружины сейчас там нужнее, а город можно и с одной дружиной защитить.

Крут возмутился, по прежнему обращаясь к князю:

– Ты что-то мне не договариваешь. Вижу, что не доверяешь мне. Что происходит, князь?

Рурик поставил на стол чашу с мёдом.

– Ни чего я от тебя не скрываю. Закисли твои воины в Новгороде. У Трувора с Синеусом они быстро жир порастрясут.

– Какой жир, князь?

Рурик ударил кулаком по столу.

– Дружины сейчас нужнее в Изборске! – Успокоившись, продолжил: – Да угомонись ты, воевода и поверь, что я от тебя ни чего не скрываю.

Синеус поддержал:

– Норманны больно обнаглели. Несколько поселений пожгли. Без твоих дружин нам сейчас ни как.

Его слова мало в чём убедили Крута.

– Из-за горстки шкуродёров, дружины на помощь звать?

К их разговору стали прислушиваться. Слева от князя подал голос боярин Калина:

– Не уж-то князь так норманны озорничают, что приходится Новгород без защиты оставлять?

Князь кривился от таких вопросов. Шутка ли оставить город без дружин. Всё это он понимал. Но понимал ещё и то, что если норманны высадутся на этих северных рубежах, горе будет великое всем. Ещё он понимал, что говорить об этом пока ни кому нельзя. Если узнают о тайном соглашении Дира с Эйриком, начнётся паника. Бояре будут настаивать на взятии Киева. Они давно этого добиваются. Завязнув в Киеве, можно пропустить главного врага – норманнов. Они пострашнее Киевлян будут. И пока есть угроза с севера, Киева ему не взять. Хорошо бы если все это поняли. Не время ещё, ох, не время.

– С Новгородом ни чего не случится, а северных своих соседей поддержать надо. Хватит об этом!

Князь, что бы сменить тему разговора поднял вверх свою чашу и громко крикнул:

– Слава молодому княжичу! Слава Игорю!

Гости поднимались со своих мест и тянули свои чаши вверх, вторя князю, выкрикивая славу молодому княжичу. Чаши опрокидывались, и крепкий мёд лился в открытые рты, стекая по бородам и усам гостей. Вытираясь рукавами кафтанов, мужчины садились обратно на свои скамьи и тут же опустевшие чаши вновь наполнялись до краёв. Рурик остался стоять перед своими гостями. Когда его чашу вновь наполнили хмельным напитком, он продолжил:

– Теперь верю, что скоро придёт время и мой сын закончит то, что не успел сделать я. Об одном думаю – об объединении всей земли Русской. От студёных северных морей, до тёплого Чёрного моря. Велика земля наша Русская, да только согласия меж общинами нет. Каждый князь на себя одеяло тянет. Не понимают, что сила наша в единстве нашем. Не воевать нужно нам, а дружить крепко под единым началом. Тогда нам ни кто не страшен. Ни степняки, ни хазары. Ни норманны, ни венеды. С черемисами мир заключим и до самого Камня свои владения расширим. Верю, что будет это. А вы, – князь обвёл зал рукой, – помощники мои, служите Игорю, как мне служите и детям своим накажите служить только одному, истинному князю Русскому. От наших славянских кровей династия пойдёт, и с тем править всей Руссией будем. Над всем миром станем. По справедливости жить будем сами и других научим.

Князь вскинул руку с зажатой в ней чашей вверх, и громко выкрикнул:

– За Игоря! За единую Русь!

По огромному залу прокатилась волна рёва. Трудно было понять в этом гуле голосов, кто поддерживает князя, а кто нет. Однако все чаши были опрокинуты и мёд выпит. Громче засвистели флейты и загремели бубны. В зале началось обсуждение княжеской речи. Шум от голосов перекрывал звуки издаваемые скоморохами.

– Бросил ты князь полено в огонь, – Крут с тревогой посмотрел на Рурика, – как бы теперь терем твой не сгорел.

– Ни чего. Пусть знают, что от слов своих я не отступлюсь. Посмотрим, кто после этого смуту поднимать будет. Мне и сыну моему настоящие друзья нужны, а не псы скулящие. Сегодня он мне хвостом вильнёт, а завтра тому же Диру. Таких лучше сразу извести и всю кровь ихнюю. Плохая кровь ни когда хорошей не станет, как не мешай её.

– Не слишком ли ты жесток, князь?

– Лучше сейчас быть жестоким. На себя всё взять. Упустим время, потом в крови потонем.

– Да, князь, – слушавший их разговор Синеус опрокинул в себя чашу с мёдом, – жестокое ты нам время определил.

Рурик вспылел.

– Какие люди – такое и время! Так всегда было, так всегда и будет!

Рурик поднялся из-за стола.

– Хорош, сиднем сидеть! Выходи ноги размять! А ну гости дорогие покажите свою удалую молодецкую! Кто старого князя перепляшет? Шубой соболиной одарю!

Князь пошёл по кругу, выбрасывая руки и ноги в стороны и вверх, делая ими какие-то замысловатые движения. За князем поднялись остальные, присоединяясь к дикому шаманскому плясу. Вокруг всё завертелось и закрутилось. Глаза у всех стали наполняться ярким огнём. Бешеный хоровод соединил всё вместе: крики, свисты, какофонию флейт и бубнов, лица с горящими глазами, мелькающие руки и ноги танцующих. Это была пляска жизни и смерти. Это была битва исполинов. Вошедшие в раж люди мысленно уже были далеко от княжеского детинца и хмельного пира. Они были на полях сражений уже прошедших и ещё не начавшихся. Их руки-мечи без устали рубили врага, а ноги-крылья уносили их всё дальше, делая их подвиги легендами и былинами. Те, кто постарше не выдерживали такого темпа и падали без сил прямо на дощатый пол, как сражённые воины. Те, кто помоложе, продолжали этот танец огня, всё увеличивая его темп. Упавших на пол становилось всё больше. Князь всё ещё был в числе танцующих. «В живых» оставалось совсем не много, когда танец прекратился так же неожиданно, как и начался. Резко смолкли флейты и стихли крики. Оставшиеся стоять на ногах, медленно приходили в себя, озираясь вокруг. В этой сумятице ни кто не заметил, как чья-то рука, выпала в чашу князя пригоршню серого порошка. Помогая друг другу, выбившиеся из сил гости, медленно возвращались на свои места.

Танец был закончен. Отдышавшись, Рурик поднял чашу с мёдом.

– За наших предков! Они видят нас и помогают нам в наших делах! За Богов наших освещающих нам путь! Ура!

По всему залу прокатилось дружное «ура». Гости постепенно приходили в себя. Сзади бесшумной тенью скользнула фигура приказчика Власия. Он подошёл к князю и наклонился к его уху.

– Князь, тебя княгиня кличет. Хочет немедля видеть тебя.

Рурик встал со скамьи и ни кому, ни чего не объясняя, поднялся по лестнице в покои Ефанды. Пир продолжался. Оставшись без князя, Калина придвинулся ближе к своему соседу по столу старому купцу Радомиру.

– Скажи, купец, что князь у Камня ищет? Ты всю землю исходил, наверняка знаешь, чем этот Камень нашего князя привлекает.

Грузный купец повернулся к нему всем телом.

– Не знаю боярин. Земли я истоптал много, но до Камня не доходил. Да и нет там ни чего.

– А чего же он туда рвётся, раз там нет ни чего?

– Это ты у него самого спроси.

К их разговору начали прислушиваться. Воевода почесал свою бороду и вклинился в их разговор.

– Что нет там ни чего, это точно. Одни Черемисы кочуют с места на место. Земля там хуже, потому и не идёт туда ни кто. Однако, в народе молва ходит.

– Что за молва? – Калина напрягся всем телом. – Говори, раз начал.

– Говорят, город всё же там есть. Наши славяне там живут, да из северных кто-то.

– Что за город такой?

– Этого я не знаю. Может Коснятин знает? Ты у него спроси.

Сидевший невдалеке Коснятин, пожал плечами.

– Слышал я об этом городе. Знаю, что город не простой.

– И что же в нём сложного?

– Сложное то, что ни какая дорога к нему не ведёт. Если не знаешь, как к нему пройти, обязательно заплутаешь и пропадёшь.

– Станный город.

– Скорее тайный.

– Интересно, князь о том знает?

Синеус подозрительно глянул на Калину.

– А ты зачем интересуешься? У князя и спроси.

Смутившийся Калина махнул рукой, показывая, что всё это пустое.

– Интересно мне это. Как так, город есть, но найти его, ни кто не может? Почему сторонятся глаз людских? Почему не заявят о себе? Странно это как-то.

Крут поддержал боярина.

– И то верно. Зачем людей сторонится? Видимо, неспроста это.

– Вот дойдём до Камня, как князь говорил, и посмотрим, что за город такой, и что за люди в нём живут.

Воевода вздохнул.

– Когда это ещё будет?

Вскоре вернулся князь. Синеус сразу же спросил:

– Как княгиня себя чувствует? Не надо ли ей чего?

– Спасибо, брат. Всё хорошо. Соскучилась, вот и позвала.

– Пора пир заканчивать. Гости уже лыка не вяжут. Завтра спроси, ни чего помнить не будут.

Крут рассмеялся.

– А им всё едино. На завтра князь бочку рассолу готовь, головы больные лечить.

– И то, правда.

Скоро гости сами начали расходиться по своим домам. Кланяясь у порога князю, они облачались в длинные шубы и выходили из княжеского дома к крыльцу, где их уже ждали запряжённые повозки и осёдланные кони. Синеус остался у князя и когда гости разошлись, спросил у него:

– Скажи брат, а что это за город такой у Камня есть, что ни одна дорога к нему не ведёт?

– Ты это о чём?

– Говорили сегодня за него. Ещё говорили, что неспроста ты к Камню рвёшься. Что забыл ты там, в чужих землях?

Рурик нахмурился.

– Это не чужие земли. Ты много не знаешь, а говорить об этом ещё рано.

– Чего я не знаю и почему рано?

– Как говорил один мудрец, знания нужно впитывать постепенно, а не глотать, как мёд. Их нужно осмысливать и проращать в них, тогда они пойдут на пользу. Если сразу выпить бочку мёда, то можно просто умереть. Так и от знаний.

– Кто этот мудрец?

– Я знал его давно. Это человек с другого мира. Мира нам не понятного и прекрасного.

– А где он сейчас твой мудрец?

Рурик помолчал, обдумывая, как бы лучше это объяснить.

– Он ушёл ещё тогда, когда закладывали Городище. По сути, от него началось строительство наших городов. Потянулись отовсюду люди. Ладога, Изборск, Новгород – этим мы обязаны ему.

– Это было так давно. Наверное, твоего мудреца уже давно нет в живых?

Князь усмехнулся.

– Этот старик переживёт всех. На него я и надеюсь.

– Как такое может быть?

– Вот потому я много тебе и Трувору не говорю. Берегу вас от этих знаний.

– Интересно ты рассказываешь. Может, и про город этот расскажешь? Думаю, что ты о нём не просто слышал.

– Расскажу, коли клятву дашь, что ни одна душа живая об этом не узнает.

– Так всё серьёзно? Если просишь, то пусть я умру на месте, прежде чем кому расскажу об этом.

Рурик кивнул головой, принимая клятву.

– Ты спрашиваешь, серьёзно ли это? Серьёзней не бывает. Этот город – наша надежда на будущее. Не зря мы его прячем от посторонних глаз. Придёт время, люди узнают о нём. Узнают, почему к Камню я стремлюсь. А сейчас нужно Новгород отстоять и с Киевом разобраться.

– Ты сказал мы. Кто это мы?

– Люди из другого мира.

– Их много?

Князь поёжился от зябкого ночного ветра.

– Пойдём спать. Утро вечера мудренее.

Синеус возбуждённый рассказом князя, воспротивился.

– Как спать? Я теперь до утра не усну. Расскажи о городе том.

Рурик усмехнулся.

– Я же говорил тебе – всему своё время. Кое-что ты уже знаешь и хватит об этом. Когда успокоишься, может быть, я расскажу тебе историю про Каргу мира.

– Это что за Карга?

Рурик легко подтолкнул брата в спину.

– Иди спать. Меня Ефанда заждалась.

Обиженный Синеус, подталкиваемый сзади князем, направился в отведённые ему покои.

– Обещай, – он на миг остановился, – что расскажешь мне про эту Каргу.

– Придёт время, расскажу.

Скоро в детинце погасили огонь, и терем погрузился в темноту. Только рядом с крыльцом несли службу несколько дозорных. Ёжась от сырости, они топтались на месте, вглядываясь в ночную темень.

Глава 3

Дорогу развезло так, что порой приходилось соскакивать с телеги прямо в грязь и вытаскивать её руками. Кони выбивались из сил, натягивая до предела толстую кожаную упряжь. С неба сыпала холодная морось, от которой вся одежда промокала до нитки. Не спасали и пропитанные льняным маслом накидки. Продрогшие от холода путники, плотней кутались в свои тёплые плащи и жались друг к другу.

– Холод собачий. – Следак мелко дрожал всем телом. – Когда же закончится этот поток воды? Сил уже нет никаких, терпеть это.

Сытник усмехнулся и посмотрел вверх.

– Видимо ещё не скоро. А то, что продрог до кости, то не беда. Сейчас я тебя согрею.

Следак обрадовался.

– Тогда грей поскорее.

Сытник, управляющий повозкой, повернулся к своему напарнику и рассмеявшись, хлестанул того кнутом.

– Ты ополоумел? – Следак поднял руки, защищая лицо. – Ты, что творишь, рожа твоя купеческая?

Сытник продолжал смеяться и не сильно нахлёстывал Следака.

– А ну прыгай с телеги! – Он опять замахнулся длинным кнутом. – Прыгай, говорю!

Следаку ни чего не оставалось делать, как спрыгнуть с повозки. Сытник не унимался.

– Толкай телегу!

– Что?

– Толкай телегу, а то кнута получишь в раз.

– Да ты, что?

Сытник со всего плеча размахнулся кнутом. Понимая, что тот ударит, упёрся руками в доски телеги. Ноги сразу же увязли в грязи. Сытник крутил кнутом возле самой головы Следака и смеялся.

– А ну, поднадай! Не дури! Толкай со всей силы!

Следак упирался в телегу всем телом, толкая её вперёд. Кони, почувствовав слабинку, пошли веселее. Ноги пришлось переставлять чаще, то и дело, вытаскивая их из грязевой трясины. Сначала было тяжело, потом на лбу появилась испарина, и вместе с ней пришёл азарт. Закочневшее тело обретало былую подвижность и лёгкость. Такая игра начала забавлять Следака. Уже не обижаясь на Сытника, он и без понуканий изо всех сил толкал вперёд телегу, помогая усталым коням. Те в благодарность что-то отвечали ему на своём языке. Неожиданно прекратился противный дождь, и подул мягкий ветерок, осушая вымокшую одежду. Природа смиростивилась над путниками, давая им передышку. Смахнув рукой выступивший пот со лба, Следак запрыгнул в телегу.

– Знал, что ты изверг, но что такой...

Сытник его перебил:

– Уж больно было смотреть на тебя продрогшего. В холод лучше бежать, чем идти. Я это понял давно. Меня этому отец научил.

– Интересно, чему он тебя ещё научил?

– Многому. Научил с оружием обращаться. А ещё Землю свою научил любить и защищать её от всякой погани.

– Насколько я знаю, твой отец был коваль? Почему он тебя не научил железо ковать?

Сытник вздохнул.

– Да не шла мне эта наука. Мечом поиграть, да стрелу пустить точно в цель – это для меня, а молотом махать, да железо кипящее смешивать – это не для меня. Не вышло из меня коваля.

– За то убивец вышел знатный.

Сытник обиделся.

– Много ты знаешь. Языком меньше мели, здоровее будешь.

– Не серчай. О твоих подвигах я наслышан от самого князя. Он не раз ставил тебя в пример другим. Говорил, что не только у тебя рука крепкая, но и голова светлая. Ты не думай, что все об этом знают. Князь не со всеми откровенничает так, как со мной.

– Чем же ты князю приглянулся?

– О том он сам тебе расскажет.

– Не хочешь говорить, не надо. Скажи тогда, чему тебя твой отец выучил?

– Тебя твой отец учил с оружием обращаться, а мой учил князю служить. Учил знать всё про всех и эти знания во благо употреблять.

Сытник усмехнулся.

– Одним словом наушничать он тебя учил.

Следак не обиделся.

– Нет, наушничать он меня не учил. В людях разбираться учил, да в делах их.

– Это что ж за наука такая?

– Тайная это наука. Не каждому даётся. Усидчивости требует и ума не малого. Вот в пример взять тебя.

Сытник хмыкнул.

– А ты уверен, что брать нужно именно меня?

– Это для примера и поверь, что это совсем не больно.

– Ну, раз так, то бери.

Следак продолжил:

– Все тебя знают, как купца. Знают, что ты товар возишь в разные места, но не знают, что возишь ты его по указанию князя, и не замечают, что порой ты какой товар отвозишь, такой и привозишь. Дело тут не в товаре, хотя монеты в твоём кошельке не переводятся. После твоих поездок, почему-то к князю приезжают послы из этих мест, где ты был, и заключают с князем мировую. После чего купцы Новгородские сразу же устремляются в эти места. Ты человек замкнутый и не разговорчивый. Ни кому дурного слова не скажешь. Однако тебя боятся и уважают. Про то, что мечом владеешь лучше других, про то не все знают, зато знают, что людям помогаешь, сирот привечаешь. Душа у тебя добрая, но норов, сродни мечу твоему – не гнётся и не ломается. Вот такой ты сильный и добродушный. Только ни кто не знает, что есть в тебе то, что сломать тебя может, как щепку.

После этих слов, Сытник не по-доброму посмотрел на своего напарника. В один миг изменилось его лицо, а глаза, казалось, прожигали насквозь.

– И что же это?

Следак на какое-то время замолчал, обдумывая наперёд каждое слово. Рурик предупреждал его, что с Сытником нужно быть очень осторожным. Теперь Следак рассматривая изменившееся лицо Сытника, понимал, что князь был прав. Шутить со зверем опасно, а тем более с раненым. Зная о его слабых местах, тот сразу почувствует себя уязвимым и оторвёт тебе голову быстрее, чем ты думаешь. Сытник тем временем остановил телегу и повернулся к Следаку всем телом. Его горящие злом глаза впились в него, как горящие угли. Стараясь быть спокойным, и не обращать на это внимания, Следак продолжил:

– Когда-то у тебя была женщина. Звали её Дарья. Она была из боярского рода. И родила тебе эта Дарья девочку, которую ты назвал Любава. Родители твоей Дарьи не отдавали её за тебя, потому девочка родилась в тайне. Нашли кормилицу на окраине города, ей и передали

дитя боярские родители, а дочь свою прокляли и волосы ей постригли. Не вынесла она позора своего и в один прекрасный день пошла на озеро, где и утопилась. Прознал ты про то и лишил жизни обоих родителей своей Дарьюшки. Только так получилось, что тебя в это время не было в Новгороде, а приехал ты три дня спустя, как похоронили их. Кинулся ты к дочери своей, а той вместе с кормилицей и след простыл. Успели бояре от тебя дочь спрятать. Ты её почитай уже пятый год ищешь, да найти не можешь. И вины на тебе нет, поскольку ни кто, даже князь, и подумать на тебя не может. Не было тебя в Новгороде и всё тут. Как думаешь, если князь узнает, что это твоих рук дело? Или невзначай, дочь твоя отыщется?

После этих слов, Следак не успел отреагировать на движение Сытника. Удар в челюсть был настолько сильным и неожиданным, что тот просто кулем свалился на дно телеги. Сытник спрыгнул на землю и подошёл к лежащему в беспмятстве Следаку. Крепко взял его за шиворот и потряс, приводя того в чувство. Когда Следак открыл глаза, то увидел прямо перед собой шевелящийся рот и злое лицо своего попутчика. Слов он не слышал потому, что уши его были словно чем-то забиты. Сытник тряс его так сильно, что скоро он начал различать отдельные слова. «Холуй», «наушник», «убью тварь». Следак потряс головой и окончательно пришёл в себя. Спокойным голосом, как будто ни чего не произошло, он сказал:

– Повтори, пожалуйста, что ты сейчас сказал?

Сытник несколько успокоившись, то же начал приходить в себя.

– Откуда тебе это известно? Следил за мной? Откуда про Дарьюшку знаешь?

В подтверждение своих слов Сытник вытащил из-за голенища сапога короткий узкий клинок и приставил его к горлу Следака. Такая перспектива того явно не устраивала, и Следак быстро перехватив кисть руки с зажатым в ней кинжалом, вывернул руку, надавливая Сытнику на локоть. Рука пошла на излом, и тот, вскрикнув от боли, выпустил из рук своё оружие. Оттолкнув Сытника от себя ногой, и как ни в чём не бывало, он отряхнул одежду и спокойно сказал:

– Охолонь. Если бы я чего-то от тебя хотел, то давно бы получил. А знаю я это потому, что головой приучен думать, а не только мечом махать. Этому меня отец и учил.

Потирая больной локоть, Сытник не успокаивался.

– Что про дочь знаешь? Говори не скрывай!

Следак продолжил за него:

– А то ты меня убьёшь, или золотом одаришь?

Сытник смешался. Он не знал, как себя вести и что говорить. Следак продолжил:

– Вот видишь, как дорог и ненавистен я тебе стал сейчас. Ты даже не сообразишь, что со мной можно сделать такого, что бы я тебе рассказал про твою дочь.

Сытник не спеша забрался на телегу и дёрнул вожжи. Кони медленно пошли вперёд.

– Скажи, зачем тебе всё это? Зачем про меня ты всё вызнал? Князь приказал?

– Нет, не князь. Князь мне много чего о тебе рассказывал, и понял я, что пути – дорожки наши скоро сойдутся и будем мы с тобой вдвоём дела княжеские делать. Вдвоём мёд пить и вдвоём жизнью рисковать. Просто хотелось узнать о тебе не только то, что другие знают. Спросишь зачем? Отвечу – что бы знать ради кого придётся голову сложить, если нужда заставит.

– Ну и как? Подхожу я тебе, аль нет? Стоит из-за меня голову свою подставлять?

– Горяч ты больно, но дело своё знаешь крепко. Я ещё не решил. Время придёт, отвечу.

Сытник усмехнулся:

– Конечно, ответишь, если успеешь и будет чем. Скажи лучше, что про дочь мою узнал? Кроме неё у меня ни кого нет на всём свете. Не рви мне душу. Я весь Новгород обыскал – как сквозь землю она ушла. С тех пор нет мне покоя. Ни жить, ни умереть не могу спокойно, пока Дарьюшку свою не отыщу.

– Кое-что вызнал. Пока одно скажу, нет её в Новгороде.

– Тогда где же её искать?

– Найдём, не печалься о том. Вот дело княжеское сделаем и обязательно её найдём.

Сытник с благодарностью посмотрел на Следака.

– Теперь начинаю понимать.

– Ты о чём?

– Об отце твоём. Хорошему он тебя делу обучил.

Следак улыбнулся, потирая ушибленный подбородок.

– А ты говорил, что я наушник.

Сытник не поворачиваясь к нему, махнул рукой.

– Забудь. Пустое.

Не злобный ветер гонял по небу тяжёлые тучи, изредка бросаясь холодными каплями дождя. Подходили к развилке дорог. Не долго думая, Сытник повернул коней вправо.

– Это ты правильно сделал.

Дремавший на телеге Следак, приподнялся и посмотрел на дорогу. – Князь велел на Белоозеро идти, но мы сначала в Ладогу заедем.

Сытник не оборачиваясь ответил:

– До Белоозера далеко, а есть что-то надо. Тех припасов, что я взял с собой нам хватит только на день пути. Нужно заехать в город и поменять товар на еду.

– Ты надеешься, что за твой товар нам что-то дадут? – Следак усмехнулся, представляя, как его напарник меняет кожу на хлеб. – А ты и впрямь втянулся в дела купеческие. Настоящим торгашом стал. Если бы не знал тебя, и в правду подумал, что ты купец.

– Чем тебе купцы насолили?

– Я не о том. – Следак уселся рядом с Сытником. – Думаю, что в Ладоге нас ждёт тёплый приём.

– У тебя там кто-то есть?

– Ни когда не было, но теперь наверняка есть. Кстати, и у тебя то же.

– Ты это о ком?

– Я это о тех, кто нас уже ждёт в Ладоге с нетерпением, что бы нож в спину всадить.

– Даже так?

– А тут и думать нечего. В Ладоге нас встречать будут – больше негде.

Сытник удивился.

– Зачем мы тогда туда прёмся?

– Затем и прёмся, что бы встретили.

Следак на какое-то время замолчал, что-то обдумывая. Сытник погонял своих коней, не мешая ему заниматься любимым делом. Пауза затягивалась и он, обернувшись назад, спросил:

– Ты не уснул? Рассказывай, что удумал, а я послушаю.

Его напарник смотрел куда-то в сторону и, казалось, что он думает совсем о посторонних вещах. Голос Сытника отвлек его от дум и он, встряхнув головой, начал рассказывать:

– Ну, коли так, тогда слушай. Князь не зря меня с тобой послал. Когда исчез гонец, мы сразу подумали, что это неспроста. Кто-то выкрал его и, наверняка попытался узнать у него, что в грамоте той было. Вряд ли гонец что-то знал, но сам факт, что при дворе князя есть предатель, это факт. А когда пропал обоз снаряжённый князем на Белоозеро, тут стало понятно, что это не просто предатель. Это кто-то из доверенных лиц и находится он рядом с князем. О том, что на Белоозеро пойдёт обоз знали далеко не все, и попросту обвинять в предательстве тех, кто знал об этом нельзя.

– Почему?

– Смута начнётся. Если ни кому не доверять и рубить головы только за одно подозрение – княжество просто распадётся. Ни в чём не повинные бояре уйдут от князя и людей своих забе-

рут. Тут надо действовать тонко, ни кого не обижая, но выявить предателя наверняка и узнать, кому служит этот предатель.

– Ну, кому служит, я тебе и так скажу. Киеву он служит. Это Дир с Аскольдом затевают войну с Новгородом. Тут и думать нечего.

– Это и я понимаю, и князь понимает. Однако нужно сделать так, что бы он сам указал на Дира.

Сытник кивнул головой.

– Правда, твоя. Тогда у князя будут развязаны руки, и у него будет повод повести дружины на Киев.

– Правильно мыслишь. А коли так, тогда мы должны накрыть всю эту братию и доказательства князю представить.

Сытник почесал за ухом.

– Ты так говоришь, будто нас не двое, а целая дружина. Думаю, что тех, кто встречать нас выйдет, по более двух будет.

– Испугался?

Сытник пожал плечами.

– И хуже бывало.

– Не зря князь тебя выбрал. Ты всю купеческую братию знаешь. Вхож к боярам и князьям. Трудно придётся, так хоть помощи спросить у кого будет. Или я не прав?

– Мы ещё ни чего не сделали, а ты уже о помощи мыслишь?

– Тут нужно заранее все пути – отходы обдумать.

– Ты хоть заранее не стращай. На месте разберёмся.

Следак стоял на своём.

– Сейчас разбираться нужно. Потом не до того будет.

Сытнику порядком надоел этот разговор. Он натянул свою шапку ниже на лоб и сделал вид, что дремлет. Обдуваемая ветром дорога, слегка просохла, и кони пошли веселее. Настроение поднялось и не терпелось заняться настоящим делом.

На второй день пути вдалеке показались стены Ладоги – резиденции Рурика. Отсюда начиналась Русь. Здесь была построена первая крепость и возведён первый княжеский детинец. Отсюда уходили первые дружины, отвоёвывать исконно русские земли. Здесь, на дубовых стенах города русские воины отражали атаки варягов, не пуская их дальше в свои земли. Ладога являлась северным форпостом Новгорода. На улицах и площадях города всегда былолюдно. Сюда тянулись купеческие караваны. За купцами шли вольные люди. Народ был разный: мастера, ремесленники, шорники. Люди искали возможность заработать на кусок хлеба. А если повезёт, то и остаться в Ладоге, развивая своё дело. Сюда шли и лихие люди, не умеющие делать ни чего, но зато хорошо знающие, как срезать с пояса кошель и отобрать у беззащитного последний кусок.

Телега с Сытником и Следаком медленно въехала через городские ворота, направляясь к базарной площади.

В одной из комнат большой каменной башни разожгли светильники. В четырёх углах комнаты, в высоких треногах, стоящих по углам, разгорались сухие сосновые поленицы. Постепенно пламя от светильников становилось больше, освещая всю комнату. Дыма почти не было, но воздух начал пропитываться запахом смолистой хвои. Тёплые волны от огня согрели сырой камень, а на стёклах высоких окон образовалась слеза. Стоявший у одного из окон полный мужчина не чувствуя тепла, плотнее закутался в широкий тёплый плащ. Рукой, смахнув со стекла образовавшуюся воду, он продолжал смотреть в сторону главных ворот Киева. Он ждал гонца. На крепостных стенах города, у главных ворот разожгли костры. Пламя костров выхватило из темноты маленькие фигурки воинов из ночного дозора, которые сновали

по смотровым площадкам толстых крепостных стен. Мужчина опять протёр рукой запотевшее стекло и вслух произнёс:

– Не объявится до утра этот треклятый Сигурд, велю на кол посадить.

Человек, стоящий у окна башни был князь киевский Дир.

Несколько лет назад, он въехал в Киев, как победитель и ввёл в него свои дружины. Жители Киева признали его своим князем на все времена. Усмирив где мечом, а где посулами гордыню ближайших своих соседей древлян, кривичей и уличей, живших на юге и западе, Дир начал засматриваться на соседние северные княжества. Киев был идеальным местом для развития торговли. От Киева вела прямая дорога в Византию, куда сходились все торговые пути мира. Однако, северное Новгородское княжество Рурика было ему как кость в горле. Рурик сам претендовал на эти пути, но постоянные раздоры с южными племенами за беспопытный проезд по их землям, держали дружины Диры в постоянной боевой готовности. Из-за этих распрей Рурика, который был намного сильнее его самого, он не мог свободно налаживать прибыльное дело. Уходившие с его веления купцы к Чёрному морю, через некоторое время появлялись в Киеве, обобранные до нитки, а охранные отряды просто уничтожались. Тиверцы и Уличи соблюдали с ним нейтралитет, но в свои земли ни кого не пускали. Желающих повторять такие поездки просто не находилось. Люди боялись нисколько за свой товар, сколько за свою жизнь. Открыто воевать с ними, не имело ни какого смысла, пока за его спиной стоял Рурик. Выход был один – убрать Рурика с дороги и подчинить себе Новгородские земли до самого Студёного моря. Дир понимал, что одному это сделать невозможно и заключил тайный союз с норманнами. Для осуществления этой цели, он нанял родственника тамошнего конунга Эйрика, Аскольда. Аскольд с небольшой дружиной вошёл в Киев и возглавил всё киевское воинство. По сути, он был его правой рукой. И только после того, как Дир женился на знатной норманке из того же рода, Эйрик, наконец, дал согласие выступить против Рурика. Дир отдавал всё Новгородское княжество Рурика на полное разграбление норманнам. Ещё осенью, он заручился поддержкой соседних древлян и кривичей о невмешательстве в их разборках с Руриком, посулив им за это кусок «Новгородского пирога». Довольные таким условием, соседние князья закрыли глаза на то, что отряды Аскольда перекрыли дороги, отрезав Новгород от западных, южных и восточных областей. Для Рурика оставалась открытой только одна дорога – на север. Тайный гонец, которого Дир с нетерпением ждал, должен был прибыть из самого Новгорода. Сейчас главным было знать, насколько Рурик осведомлён о предстоящей войне с норманнами, и что он по этому поводу затевает. Что бы знать каждый шаг Новгородского князя, Дир поставил к нему своего человека, который сейчас был в числе Руриковской свиты и наблюдал за князем. В оговоренные дни, гонец от этого человека должен был передавать Диру тайную грамоту обо всех делах Новгородского князя.

Стража на крепостных стенах засуетилась. Что-то происходило за воротами города. Через какое-то время ворота приоткрылись, пропуская в город всадников. Дир всматривался в темноту, стараясь разглядеть прибывших. «Кого это леший принёс, на ночь глядя?» Пять всадников приближались к башне. Подъехав к дверям, они спрыгнули на землю. Один из них в дорогой длинной шубе отороченной песцом, кинул поводья своим сопровождающим и быстрым шагом прошёл в охраняемую стражниками дверь. Стража пропустила его, не останавливая. Кто-то из своих, – Подумал Дир, наблюдая, как оставшиеся четверо, у двери привязывают коней к коновязи. Скоро за дверью комнаты, в которой находился Дир, послышались торопливые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге он увидел боярина Рурика – Калину. Тот торопливым шагом вошёл в комнату и поклонился Диру.

– Будь здрав, князь.

Дир кивнул головой, удивлённо рассматривая боярина.

– И ты будь здрав Калина. Почему сам явился ко мне, а не прислал гонца, как оговорено?

Калина скинул шубу и бросил её прямо на широкий дубовый стол.

- Потому, что эту новость ты должен слышать от меня и ни от кого другого.
- Что за новость?

Предчувствуя недоброе, Дир подошёл к креслу и медленно в него опустился, предлагая сделать то же самое и Калине. Усталый от долгой и тяжёлой дороги Калина, скорее упал, чем сел в кресло.

- Новость такая, что теперь нам всем придётся крепко подумать.
- Не томи.
- Калина перевёл дыхание.
- У Рурика сын родился.

На какое-то время в комнате воцарилась тишина.

- Ты понимаешь, князь? У Рурика появился на свет наследник.

Дир смотрел куда-то в сторону, обдумывая услышанное.

- Наследник, говоришь?
- И имя ему нарекли Игорь.
- Игорь?

Дир ни как не мог прийти в себя. Калина что бы встряхнуть Дира, повысил голос:

- Приди в себя, Дир! У князя Новгородского теперь есть наследник!

Дир поморщился.

- Не кричи. Слышу я. Ну и что мы со всем этим будем теперь делать?
- Затем сам и приехал, а не гонца прислал.

Дир поднялся из кресла и подошёл к двери. Приоткрыв её, он обратился к стражникам:

- Зовите Аскольда! Да поторапливайтесь, колченогие!

За дверью раздался удаляющийся стук кованых сапог стражника.

Аскольд видимо ещё не ложился и появился быстро. Высокий и жилистый Киевский воевода быстро вошёл в дверь. Его мужественное лицо от правого глаза до подбородка пересекал глубокий шрам, полученный в одном из боевых походов. Резкие движения и острый взгляд делали его полной противоположностью полного и медлительного Дира.

- Зачем звал, князь? Что-то случилось?

Аскольд подошёл ближе и поклонился. Дир оставил его приветствие без внимания, а Калина приподнявшись, ответил ему поклоном.

- Случилось, воевода. Случилось. – Дир только сейчас посмотрел на Аскольда. – Ты присядь пока. В ногах правды нет.

Со стороны было заметно, что Дир и Аскольд общаются запросто без общепринятых правил. Так вести себя могут только очень близкие люди, которые доверяют друг другу во всём. Аскольд придвинул к себе кресло, и сел в него оставаясь лицом к присутствующим.

- Я слушаю тебя, Дир. Зачем звал?

Князь, не заставляя себя ждать, ответил:

- Вот, Калина новость привёз. У Рурика наследник родился.

Аскольд пожал плечами.

- Ну и что из того. Рано или поздно Ефанда должна была ему родить наследника. Что тебя беспокоит?

– Меня беспокоит то, что теперь, если этот наследник останется жив после визита Эйрика, то у него будут все права считать себя Новгородским князем. В своё совершеннолетие он может предъявить свои права на Русский престол.

- И это то, что тебя так беспокоит?

Дир вскочил из кресла, в котором сидел.

- А тебя это не беспокоит? Если норманны, по какой-либо причине не начнут войны с Новгородом, то отгадай, кто будет сидеть в Киеве на этом месте, – Дир показал пальцем на своё кресло, – лет через пять?

– Успокойся. – Аскольд был невозмутим. – Если Эйрик возьмёт Новгород, в живых ни кто не останется. Наследника ждёт участь его отца.

– Если Рурик узнает о наших планах, он просто спрячет сына до времени, а память у народа длинная. Придёт время – вспомнят своего князя!

Дир, несколько успокоившись, вернулся на место. Аскольд молчал, что-то обдумывая про себя. Наступившую тишину нарушил голос Калины:

– Я не всё тебе сказал, князь.

Дир резко повернулся всем телом к боярину.

– Есть ещё новости?

– Да.

– Говори.

– Совсем недавно Рурик отправил свои дружины в Изборск.

Арнольд сузил глаза.

– Зачем?

– Этого я не знаю. Дней десять назад к Рурику тайно прибыл гонец и передал князю грамоту. Что в ней и от кого она я не знаю. Мои люди выкрали гонца, но добиться от него чего-либо так и не смогли. Пришлось убить его, а тело закопать. После этого Рурик отправил дружины в Изборск.

Дир задумчиво смотрел на Калину, а Аскольд продолжал его спрашивать:

– Получается, что Новгород сейчас без защиты?

– В Новгороде осталась одна дружина для защиты города.

Аскольд задумался.

– Не ломай себе голову воевода. – Дир усмехнулся. – Даже с одной оставшейся дружиной можно удержать город. Если ты намерился взять его штурмом, то только положишь у его стен людей.

Признавая правоту князя, Аскольд только вздохнул.

– Тут ты прав. Города нам не взять. – Он опять задумчиво посмотрел на Калину. – Как думаешь, зачем Рурик отправил их туда?

Калина замотал головой.

– Не знаю. Может чего прознал от гонца?

– Если это так, то получается, что Рурик обо всём знает, а дружины выставил на самой границе, упреждая Эйрика.

Дир схватился за голову.

– Всё пропало. Если он всё знает, нам конец.

– Не печалься о том, князь. Если знает, то не всё. Напасть на Киев, он всё равно не сможет.

А пока суть, да дело, мы, что ни будь придумаем.

Аскольд опять поднял глаза на Калину.

– Откуда гонец?

– Не знаю.

Воевода ударил руками по подлокотникам кресла.

– А что ты знаешь!?

Калина пожал плечами.

– Мои люди донесли, что ещё Рурик отправил куда-то на север купца Сытника вместе со своим человеком.

Аскольд встрепнулся.

– Сытника?

Калина кивнул. Теперь уже воевода вскочил из кресла и начал мерить комнату шагами.

– Что тебя так встревожило? – Дир с удивлением смотрел на Аскольда. – Ну, послал Рурик купца. Ну и что?

Аскольд усмехнулся.

– Да, ни чего. Просто там, где появляется Сытник, происходят странные вещи.

– Что, например?

– Например, убивают какого либо человека знатного рода и убийца ни кто не находит.

Например, неожиданно сгорает княжий терем вместе с людьми. Или пропадает целый купеческий обоз, а люди его сопровождающие растворяются в воздухе.

– Это, как?

– Пропадают люди бесследно. Вот как. Почему-то всё это происходит после того, как в этих местах появляется Сытник.

– Может совпадение?

– Может и совпадение, да только Сытника этого я хорошо знаю.

– Приходилось встречаться?

– Приходилось. – Арнольд расстегнул кафтан, демонстрируя всем длинный косой шрам на груди. – После одной такой встречи я чудом остался жив. Спасибо бабкам ведуньям, выходили. Не простой это человек, и думаю, Рурик куда-то послал его, то же неспроста.

– В таком случае нужно послать нашего человека, что бы приглядел за ним.

– Уже. – Калина кивнул головой. – Уже послали. Где объявится и что делать будет, узнаем быстро.

– Это как?

– Известие с голубем прилетит.

– Умно придумал, боярин.

С лица Аскольда не сходила озабоченность. Он стоял в стороне, что-то про себя обдумывая. Дир и Калина не мешали ему и тихо переговаривались между собой. Это продолжалось достаточно долго, но когда Аскольд подошёл к ним, то по его виду было понятно, что воевода что-то решил.

– Что скажешь, отец – воевода? – Дир улыбнулся, наверняка зная, что умный Аскольд всегда найдёт выход из любого положения. – Не томи Аскольд. Говори.

Воевода опустил в кресло и начал говорить:

– Если допустить, что Рурик знает о наших планах, то Сытника он послал с определённой целью. Наверняка, он будет просить помощи у северных славян. Больше ему её просить не у кого. А раз так, то ждать пока он доберётся до места, я думаю, не стоит.

Дир перебил его:

– Ты предлагаешь убить посланцев Рурика?

– Вот именно. Зачем нам ждать, когда они вступят в переговоры с северными князьями? Пусть исчезнут, как тот обоз. Однако, странно то, что все они идут в одно место – к Белоозеру. Там, насколько мне известно, посадским Рурика, сейчас его брат Трувор.

– Но Белоозеро далеко от Новгорода, – Калина развёл руками, – да и дружин у Трувора маловато. Зачем тогда они едут туда?

Аскольд опять задумался.

– Вот в том-то всё и дело. Я так думаю, что тут дело не в Белоозере и конец их пути гораздо дальше.

Калина спросил:

– Может не трогать их, пока до места не дойдут?

Дир удивился.

– Это, где дальше и до какого места они должны дойти? Не к Черемисам же они направляются?

– Вряд ли. Черемисы всегда были сами по себе. Ни когда и ни кому они не помогали. Они живут раздроблено отдельными кланами и воюют только между собой за кусок неплодородной земли.

– Это точно. Дикий народ. – Дир печально вздохнул, но тут же взял себя в руки. – Тогда куда же они всё-таки направляются?

Калина пожал плечами

– Да, бес их знает. В народе молва ходит, что связан Рурик с нечистой силой. Через доверенных людей он с ней общается. Ещё говорят, что где-то около Камня тайный город есть, где эта нечистая сила обитает.

– И ты этому веришь? – Дир усмехнулся. – Рурик сам мастак былины да сказки сказывать. Вот народ ему и вторит. Перебить их всех, да и дело с концом.

– Тебе бы только перебить. – Аскольд теперь всё это не нравилось. – Рурик что-то знает, чего не знаем мы. Перебить, конечно, можно, но тогда мы никогда не узнаем, куда направлялся недавний обоз, и куда направляется сейчас Сытник. А ведь они идут и впрямь в сторону Камня. Что, если этот тайный город и в самом деле существует?

Дир вспыхнул.

– Да сдался тебе этот город? Схватить их и выпытать всё, вот и все дела.

Аскольд усмехнулся.

– Ты не знаешь Сытника. Он настоящий воин и скорее примет смерть, чем кого-то предаст. Думаю, что его попутчик сделан из того же теста. Рурик не будет доверять свои тайны первому встречному.

– Так, что делать-то будем?

Аскольд опять на миг задумался, потом махнул рукой.

– Семь бед – один ответ. Если они уйдут из Белоозера дальше, то мы их наверняка потеряем. – Он посмотрел на Калину. – Надеюсь, у тебя есть надёжный человек, который сможет организовать расправу с людьми Рурика? Пусть поступает по своему усмотрению, но дальше Белоозера гонцов не пускать!

– Как скажешь, воевода. Есть у меня такой человек. По правде говоря, я сам его побаиваюсь. Думаю, он справится со всеми гонцами, сколько их бы не было. Скажешь, что бы они пропали, значит, пропадут они в самом Белоозере.

Сказав это, Калина хихикнул. – Нам не привыкать.

Дир от радости, что всё, наконец, решилось, потёр ладони рук.

– Вот и славно. Вот и ладно. Только ты, Калина если что, то Сигурда сразу шли. Не держи нас в неведении. – Он сладко потянулся. – Поздно уже. Спать идите. Утро вечера мудренее. Утром решим, что с Руриком делать будем, да с отпрыском его.

Тайный совет закончился. Калина сразу после того, как ушёл Дир, проследовал в гостевую, где уже спали его люди. Укладываясь спать, он думал, что о судьбе князя Новгородского больше не стоит думать. О ней он уже побеспокоился. Пусть пока Дир с Арнольдом находятся в неведении, а там, как получится.

Арнольд с хмурым лицом не спеша поднимался в свои покои. Это дело всё больше ему не нравилось. Что-то во всей этой истории было не так и это его сильно тревожило.

Глава 4

Сытник остановил телегу посредине базарной площади. Осмотревшись по сторонам на редкие ряды торгашей и снующий по площади люд, спрыгнул с телеги.

– Сиди здесь. Понаблюдай пока за народом.

– Погоди. – Следак надеялся, что они пойдут вместе. – За кем мне тут наблюдать? Ты то, куда?

– Куда, куда – на кудыкину гору. Сиди здесь. Заодно товар посторожишь.

Против такого аргумента не чего было возразить. Следак растянувшись на сене, подложил руку под голову и через щелки глаз стал рассматривать местный народ, выискивая подозрительных в базарной толпе. На престарелых он не обращал ни какого внимания, как и на детвору, снующую между рядами торговцев. Его интересовали люди среднего возраста и крепкого телосложения. Таких, на площади было в достатке. Не упуская из вида Сытника, он глазами просеивал толпу народа суетящегося рядом с ним. Сытник обходил торговые прилавки, присматриваясь к предлагаемому товару. Что-то брал в руки и подносил ближе к лицу. Что-то просто слегка подбрасывал вверх, определяя на вес. Не задерживаясь долго на одном месте, он отходил от Следака всё дальше, теряясь в толпе народа. Скоро вдалеке мелькал только его плащ. Последнее, что успел увидеть княжеский охранник, это заслонившую от него купца женщину. Знакомый плащ ещё раз мелькнул в толпе и исчез.

Надолго задерживаться в Ладогe Сытник не собирался. Для дальней дороги нужны были только продукты. Обленившееся за зиму тело требовало тепла и отдыха. Ноги предательски наливались усталостью, а внутренний голос шептал о сухой одежде и тепле. Гоня прочь навязчивые мысли, купец всё внимание переключил на поиск свежего хлеба и мяса. Переходя от одной лавки к другой, он привычными движениями брал продукты прямо со столов и внимательно их рассматривая, пробовал на вес. Разложенные перед ним куски свежего мяса, вызывали в нём только досаду. К почерневшим и с дурным запахом окорокам он даже не притрагивался, стараясь обходить такие столы стороной. Назойливый мясник в грязном фартуке, тыкал ему под нос кусок конины, выдавая эту гниль за только что освежёванную корову.

– Ты в мясе ни чего не понимаешь. Посмотри на эту сахарную кость, – уговаривал его мясник, – разве у пропавшего мяса есть такая кость?

Продавцы, увидев в Сытнике потенциального покупателя, ринулись за ним всей гурьбой, нахваливая каждый свой товар. Голова закружилась от гвалта и мелькающих перед его глазами пирогов с зайчатиной и капустой. Твёрдые как камень хлебные кругляши втыкались ему в спину, а мочёные яблоки бойкие тётки протягивали прямо ко рту. Базар есть базар. Что бы отбиться от наседающих на него торговцев, Сытник, как пловец начал разгребать руками человеческое море, отдаляясь от обжорных рядов. Вырываясь на свободу, он спиной столкнулся с какой-то женщиной. Та ойкнула и, отлетев в сторону, опрокинула корзину с яблоками. Потом неожиданно набросилась на Сытника с кулаками. Этого мне ещё не хватало – подумал купец, хватая за руки взбесившуюся бабу.

– Да уймись ты дурёха. Не специально я. Самого толкнули.

Удерживая её руками, он успокаивал разбушевавшуюся торговку. Не унимаясь, та голова во всё горло:

– Чуть не убил проклятый! Где только глаза свои прячешь? Весь товар мне растоптал, медведь неуклюжий! А по виду ещё из приличных людей!

– Да угомонись ты! – Сытник взял её в охапку вместе с корзиной и поволок из толпы. – Успокойся! Заплачу я тебе за твои яблоки.

Успокоившись, наконец, торговка подняла с земли упавшую корзину и осмотрела Сытника с головы до ног.

– Конечно, заплатишь, а куда ты денешься.

Сытник, усмехнувшись на наглость тётки, обхватил рукой привязанный к поясу кошель.

– Не здесь. – Торговка потащила его дальше от людской толпы. – Кошелём своим зря не трясина людях. Здесь народ разный, ещё отберут или срежут невзначай.

Она хитро прищурилась и, схватив Сытника за рукав, опять потащила, удаляясь от базара.

– Ты куда меня тянешь, крикунья?

Он хотел высвободиться от уцепившейся в него руки, но тётка не обращала на это ни какого внимания, увлекая его за собой.

– Ты я вижу порядочный человек, да ко всему ещё и приезжий, а порядочному тут делать нечего. Пойдём я отведу тебя к Тёмке на постой. Там у него и хлебца свеженького раздобудешь, да и солонинка у него лучшая во всей Ладогe. Там за всё и рассчитаешься.

– Далеко ли до твоего Тёмки? – Сытник прекратил упираться и предоставил себя в полное распоряжение тётке. – У него и остановиться на ночь можно?

– Можно. У него всё можно.

Завернув за угол какой-то длинной избы, они оказались у распахнутых ворот постоянного подворья.

– Да вот уже и пришли.

Тётка, отворив двери, широкой, но приземистой избы, подтолкнула его вперёд.

– Входи родной, входи не стесняйся. Сейчас тебя и накормят тут и напоят и спать уложат.

Войдя в полутёмное помещение, Сытник огляделся по сторонам. За широкими столами сидело несколько бородатых мужиков. На одном столе стояла глиняная миска с кокой-то кашей. Рядом в такой же миске лежало несколько кусков варёного мяса. Большой кувшин, видимо, с пивом стоял посредине стола. Откинув занавеску, вместо двери висевшую в жилые помещения, вышел и сам Тёмка. Огромного роста мужик с руками, как лопата, он посмотрел сначала на тётку, потом оглядел Сытника.

– Проходи, гость. Садись за стол. О ночлеге потом потолкуем.

Сытник удивился прозорливости хозяина. Обернувшись назад, он увидел, что тётка куда-то пропала. Пожав плечами, прошёл к ближайшему свободному столу и уселся на длинную лавку. Глаза быстро привыкли к полутьме. Ещё раз осмотревшись, его взгляд упёрся в компанию бородатых мужиков. Теперь он мог видеть их глаза. Глаза ни чего хорошего не предвещали. Хозяин скрылся за занавеской, оставив его наедине с этими мужиками. Один из них поднялся с лавки и направился напрямиком к Сытнику. Кажется, теперь он начинал понимать, куда завлекла его базарная тётка. Резко встав с места, он ногой оттолкнул от себя лавку, освобождая себе пространство. Дальше он не успел сделать ни чего. Сзади ударили по голове чем-то тяжёлым, и он провалился в темноту.

Когда Сытник исчез из поля зрения, Следак забеспокоился. Вытащив из под наваленного на телегу сена большой куль с оружием, он выбрал из него короткий меч в ножнах. Подумав, взял с собой ещё широкий нож и засунул его за голенище сапога. Меч подвесил на пояс, пряча его под широким плащом. Подойдя к ближайшему торговцу, попросил присмотреть за телегой. Всматриваясь в толпу, он направился к тому месту, где последний раз мелькал плащ Сытника. Обойдя несколько раз ряды, ни плаща, ни Сытника он не нашёл. Ругнувшись про себя, наугад направился к ближайшему выходу. Скорее чисто интуитивно, чем по разуму, пошёл вдоль длинной избы. За этой избой он увидел распахнутые ворота из связанных между собой жердей. В глубине двора жевала сено одинокая привязанная лошадь. Пройдя через двор, Следак подошёл к приземистой избе и ногой толкнул дверь внутрь. Он успел как раз вовремя. То, что он увидел, заставило его мигом вытащить меч из ножен. На полу в беспмятстве лежал его друг, а во круг него во всю орудовали какие-то бородатые мужики. Плащ с него уже сняли, кошель с пояса срезали, теперь стаскивали сапоги. В два прыжка он оказался рядом с граби-

телями и первого, стоящего у него на пути, он ударил плашмя мечом по голове. Тот мешком свалился рядом с Сытником. Второго просто со всей силы ударил кулаком в висок. Не ожидавший нападения, тот рухнул на пол, и из уха у него потекла кровь. Двое других, опешив, замерли на месте, увидев перед лицом страшный меч. Следак спокойным голосом попросил их вернуть назад все вещи. Когда всё было исполнено перепуганными грабителями, он крикнул во весь голос, предавая им прыти:

– Пошли вон, холопыё рваное!

Те, схватив своих подельников, быстро ретировались из избы. На шум вышел сам Тёмка. Увидев Следака, удивился.

– Ты кто?

Следак подошёл к нему вплотную и приставил к его горлу свой меч.

– Если я узнаю, что эта рвань – твоя банда, будешь короче ровно на голову. Ты меня хорошо понял?

Огромный Тёмка был из понятливых, и потому часто закивал головой.

– Ну, а раз тебе всё понятно, помоги привести в чувство моего друга. – Следак сделал паузу, думая, как бы ещё наказать нерадивого хозяина. – Накроешь нам стол и мёду кувшин принесёшь, а не то я действительно подумаю, что ты, то же из их компании.

Тёмка развёл длинные руки в стороны и затряс головой.

– Что ты, что ты. Этих я совсем не знаю, а стол я накрою мигом.

Сказав это, он исчез за занавеской. Подняв Сытника с пола, он усадил его на лавку и брызнул в лицо пивом, стоящим в кувшине за соседним столом. Сытник заморгал глазами, приходя в себя.

– Ты тут чего?

Он крутил головой, не понимая, что с ним произошло. Следак, глядя на него, тихо рассмеялся.

– Ну, как наменял провизии?

– Меня, кажется, стукнули по голове?

– Тебя не просто стукнули. Если бы я не поспел, остался бы ты в одном исподнем.

– Сволочи!

– Не то слово. Обыкновенные лихие люди. Им тоже с чего-то жить нужно.

Сытник потирал ушибленную голову.

– Не успел я. Сзади ударили.

– Это у них запросто. Ни кто с тобой рубиться не собирался. Со всеми они так и поступают, а на расправу жидкие, как и все разбойники.

Неожиданно появился Тёмка. В каждой руке у него было по несколько глубоких мисок с кашей, мясом и пирогами. Всё это он поставил на стол и поклонился.

– Сейчас мёду принесу. У меня самый лучший в Ладогe мёд.

Сытник потирал рукой вздувшуюся на голове шишку.

– Ты куда коней дел?

– На площади оставил. Попросил приглядеть за ними одного торгоша.

При виде горячего мяса рот у обоих наполнился слюной. Голод не тётка. Говорить о чём либо просто не хотелось. Через мгновение все дружно жевали вкусное мясо, заедая его пирогами с капустой. Сладкий мёд обжигал горло, принося с собой приятную истому. После такого обеда хотелось просто лечь в тёплую постель и спать, не просыпаясь до следующего дня. Бросив в пустую миску объединенные кости, Сытник встал из-за стола.

– Хватит брюхо набивать. Дело делать надо.

– Какое дело? – Следак сладко потянулся. – Может на сегодня хватит дел?

Сытник был неумолим.

– Вставай! Не спокойно у меня что-то на душе.

Следак тяжело поднялся из-за стола.

– Изверг ты.

Накинув на плечи тяжёлый плащ, Сытник открыл входную дверь.

– Пошли, раб живота.

Занавеска откинулась, и на пороге появился Тёмка с лицом блаженного. Кисло улыбаясь, он спросил:

– Вы уже уходите? А я вам комнату приготовил.

Сытник достал из своего кошель монету и бросил на стол.

– Мы не грабители вроде тебя. Честно заработал – честно получи.

Тёмка в один миг сгрёб монету со стола, и она утонула в его огромной ладони.

– Спасибо люди добрые.

Следак покривился в ответ, глядя на его хитрую рожу.

– Приготовишь еды нам в дорогу. Если что-то будет вонять тухлятиной, я тебе кишки выпущу.

Тёмка затрясся, всем своим видом показывая, что такого он ни когда не допустит.

Базарная площадь гудела, как пчёлы на пасеке. Пробиваясь через людскую толпу, Сытник со Следаком шли к оставленной телеге.

– Ох, чую не доброе. – Сытник разгребал руками встречающих, ускоряя шаг. – Зря ты доверился первому попавшемуся торгашу.

– Да не скули ты. Всё будет хорошо. Вот смотри, уже и пришли.

Они топтались перед торговой палаткой, осматриваясь по сторонам. Телеги, как и коней на оставленном месте не было.

– Ну, вот, здравствуйте вам. – Сытник ударил себя по ногам руками. – Я так и знал.

– Что ты знал? – Следак попытался оправдаться. – Знал, что к Тёмке попадешь или, что тебя до нага разденут? Это ты знал?

Немного успокоившись, Сытник спросил:

– На кого ты телегу оставлял, хоть запомнил?

На том месте, где сидел продавец глиняной посуды, ни кого не было. Следак подошёл к толстой тётке, торговавшей квашеной капустой.

– Скажи, уважаемая, куда делся мужик с посудой?

Уважаемая повернулась к нему всем своим достоинством и густым басом произнесла:

– Мне вот делать нечего, как за мужиками разными присматривать.

Она опять отвернулась и продолжила свою торговлю:

– Кому капустки квашеной? Белой, сочной капустки?

Следак подошёл к ней ближе и взял её за руку.

– Да погоди ты. Напротив тебя мужик стоял и черепками торговал. Рядом телега стояла и два коня в ней. Ты ведь не могла не видеть.

Не поворачивая головы, тётка ответила:

– Может и видела чего, да что мне с того?

Следак полез в кошель и достал мелкую монету.

– Вот возьми. Куда коней увели? Вспомни.

Тётка покосилась на монету в его руке.

– Ты хочешь сказать, что столько стоят твои кони?

У стоявшего рядом Сытника кончилось терпение, и он рванул к торговке.

– Я тебе сейчас расскажу, сколько стоят мои кони!

Следак еле успел остановить разгорячённого друга.

– Погоди. Не мешай мне. Она что-то знает. Послушай. – Он опять обратился к торговке. – В нашей телеге было много всякого товара. Это ведь ты наверняка видела?

Торговка кивнула головой. Следак продолжил дожимать несговорчивую тётку:

– Если скажешь, куда увели эту телегу вместе с конями, весь товар мы отдадим тебе. Согласна?

Торговка, услышав цену, резко повернулась к Следаку, чуть не сбив того своим достоинством.

– Ну, раз так, тогда слушай. Видела я твоих коней с телегой, да и тебя помню. Стояли они, как раз напротив меня. Когда ты ушёл, к этой телеге подъехал на вороном коне чужак, а с ним ещё двое.

Тётка говорила медленно, как бы вспоминая, что было. Следак не торопил её, но когда она замолкала, дёргал её за грязный подол душегрейки.

– Что за чужак? Ты его лицо видела?

– Нет. Лица я не видела. На нём был чёрный плащ, а лицо он прятал под широким капюшоном.

– А те двое?

Тётка дёрнула рукой, отрываясь от назойливого пыталыщика.

– Не торопи меня и не перебивай! Тот, что в плаще с капюшоном подъехал к тому торговцу черепками. Они о чём-то переговорили. Я видела, как чужак дал ему несколько монет, после чего двое его помощников увели телегу вместе с конями.

– Куда увели? В какую сторону?

– Да вон туда и пошли. – Тётка показала рукой на кривую улочку, ведущую к окраине города.

– А куда делся торговец?

– Как только они ушли, торговец тот, стал быстро собираться. Куда он подался, я уже не видела. Я тут не за конями присматриваю, а капусту свою продаю.

Следак повернулся к Сытнику.

– Ну, что напарник? С поганой овцы, хоть шерсти клок.

Торговка видя, что её собираются оставить, напомнила о себе.

– За уговор не забудь.

Следак кивнул головой.

– Как сказал, так и сделаю.

– Что это ты чужим товаром распоряжаешься, как своим? – Сытник был зол на весь мир. – Он вообще-то не малых денег стоит.

– Думаю, что твой товар нам уже не понадобится.

– Это почему?

– Потому, что смотрят за нами. Телегу и товар придётся бросить и как можно скорее исчезнуть из Ладоги.

– С чего ты взял, что за нами смотрят?

– Этот на чёрном коне появился следом за нами неспроста. Коней наших увёл.

– Вор он.

– Да нет, не вор. За телегу и коней, как ты слышал, он расплатился сполна.

– Ты думаешь, он по нашу душу?

– Думаю, что так оно и есть.

Какое-то время они стояли обдумывая, что им делать дальше. Сытнику всё это порядком надоело.

– Чего стоим? Пошли коней искать.

– Не спеши. Скоро стемнеет, тогда и пойдём.

Сытник рассмеялся.

– Как же ты коней ночью искать собираешься?

Следак про себя что-то обдумывая, даже не улыбнулся.

– Ты говорил, что они у тебя обученные?

– Говорил.

– Значит, знают, как ты им команды голосом подаёшь.

Сытник перестал смеяться.

– А ты ловкий малый. Я понял тебя. Хотя, обойти, наверняка, придётся весь город.

– Не думаю. Коней увели на восточную окраину. Там их прячут, а может и не прячут вовсе.

– Это как?

– Да не кони им нужны. Нас они ждут. Теперь понял?

Сытник тяжело вздохнул.

– Похоже на то. Значит, началось.

– Началось ещё тогда, когда мы с Новгорода выехали.

Они не спеша направились к восточной окраине. Солнце зашло, и на Ладогу опустились сумерки. Базарная площадь быстро пустела. Люди расходились по домам, что бы завтра снова сюда вернуться.

Вместе с темнотой пришла тишина. Редкие собаки лениво брехали во дворах. В маленьких окнах затеплились сосновые лучины, а голоса людей смолкли вовсе.

– Вот теперь самое время. – Осторожно ступая, Следак двинулся вдоль дворов. – Зови своих коней, но не громко.

Остановившись, Сытник не громким голосом изобразил конское ржание. Прислушались. В ответ стояла тишина.

– Пошли дальше.

Следак, аккуратно ступая, что бы не производить лишнего шума, шёл первым вдоль плетёных заборов. Сытник так же тихо двигался за ним. Пройдя какое-то расстояние, они опять останавливались, и Сытник, изображая конское ржание, звал своих коней.

– Хорошо у тебя получается. – Следак хихикнул. – Как будто ты раньше сам лошадю был.

В темноте не заметил, как Сытник сзади подошёл к нему ближе и отвесил оплеуху. Следак без обиды, всё ещё улыбаясь, потёр ушибленный затылок.

– Не обижайся ты. Уж больно похоже у тебя получается.

От второй оплеухи он успел увернуться. Неожиданно, где-то справа от них заржал конь. Сытник прислушался. Ржание повторилось, после чего всё смолкло.

– Это Соколик.

– Точно?

– Точней не бывает. Я их голоса из целого табуна отличу.

Через некоторое время ржание повторилось. Следак был готов биться об заклад, что ржал один и тот же конь.

– А это уже Вьюн.

– Как ты отличаешь их не пойму?

– Ты голос отца своего отличить от других сможешь? Вот так и я голоса их знаю.

Следак опять хихикнул.

– Не знал, что кони эти родители твои.

Тут же резко присел, увернувшись от очередной оплеухи сзади.

– Ты у меня договоришься. – В голосе Сытника не было злобы. – Двигай вон к той избе. Там они.

Прижимаясь к бревенчатым стенам невысокого дома, они обошли его сзади и быстро перебежали кусок вспаханной земли, оказавшись на другом конце улицы. Рядом с добротной избой, у которой они остановились, стоял покосившийся хлев. Сытник показал рукой в том направлении.

– Там они. Там, голубки мои.

– Тогда, чего стоим? Пошли, выведем их из этого хлева.

Сытник придержал за руку, двинувшегося было вперёд Следака.

– Не спеши.

– Ты чего?

– Не так резво. В этом хлеву нас ждут. Там засада.

– Откуда тебе это известно?

– Не знаю откуда, но я эти засады всем нутром чую.

Следак остановился, всматриваясь в покосившееся старое бревенчатое строение.

– Что делать будем? В темноте они нас быстро повяжут, если они действительно там.

– Это точно. Есть у меня одна мыслишка.

– Говори, не томи. Время уходит.

Сытник засунул руку себе за пазуху и вытащил какой-то предмет.

– Это ещё, что? – Следак пытался в темноте разглядеть этот предмет. – Что ты придумал?

В ответ Сытник на что-то надавил, и из этого предмета посыпался целый сноп искр.

– Это у тебя кресало такое?

Поднеся к искрам кусок сухого трута, Сытник раздул его, превратив в тлеющий небольшой факел.

– Вот теперь пошли.

Они осторожно двинулись вперёд. Следак шёпотом спросил:

– Ты что, решил спалить этот сарай?

– Нет. Я только подпалю с края крыши солому.

Когда они подошли к хлеву, Сытник жестом показал, что бы Следак остался у широких дверей, а сам двинулся дальше к его противоположному концу. Было слышно, как внутри забеспокоились привязанные кони. Почуввав хозяина, они радостно зафыркали и затоптались на месте. Скоро с другого конца хлева потянуло дымком. Сухая солома сначала задымила, потом вспыхнула ярким пламенем. Сытник быстро вернулся и стал по другую сторону ворот. Огонь под небольшим ветерком разгорался быстро. Сначала ни чего не происходило, потом резко заржали кони и, рванувшись вперёд, сотрясли хлипкие стены. Потом ворота неожиданно распахнулись и из них вывалились наружу несколько человек, выпуская из хлева клубы скопившегося въедливого дыма. Кашляя и протирая глаза, они спасались от него на свежем воздухе. Первого встретил Следак. Церемониться с убийцами, просто не было времени, и он по самую рукоять воткнул ему в грудь узкий кинжал. Второму Сытник раскроил череп куском бревна, который подобрал тут же у хлева. Остальные двое быстро пришли в себя и, выхватив мечи, кинулись на своего врага. Следак переложил кинжал в левую руку, выхватил из ножен свой меч. Труднее было Сытнику, поскольку у него кроме дубины ни чего под рукой не оказалось. Тем не менее, увернувшись от рубящего удара, он нанёс нападавшему страшный удар своей дубиной по шее. Было слышно, как хрустнули кости позвоночника и тот плашмя упал на землю. Не обращая внимания на отбивающегося от противника Следака, Сытник забежал в уже охваченный огнём хлев. Кони рвались вперёд и громко ржали, натягивая привязанные к коновязи вожжи. В один миг он отвязал кожаные ремни и вывел коней вместе с телегой из горящего хлева на улицу. К счастью коней не распрягли и не отвязали от телеги. Сытник вскочил в неё и схватил вожжи. Огонь разгорелся со страшной силой. Сухая солома и брёвна в один миг превратились в огромный костёр. Оглянувшись назад, крикнул Следаку:

– Заканчивай быстрее! Сейчас здесь будет куча народа!

Внемля словам старшего товарища, Следак увернулся от очередного выпада противника и рубанул того по шее мечом. Всё было кончено. Он догнал набирающую скорость телегу и на ходу запрыгнул в неё. Ещё раз, оглянувшись и посмотрев на дело своих рук, друзья направили свою повозку обратно к площади. Проскочив несколько домов на полном ходу, Сытник придержал коней и повёл их шагом.

– Не будем поднимать ненужного шума.

Следак обтёр пучком соломы кровь с лезвия меча и вложил его обратно в ножны.

– А ты был прав. Нас действительно ждали в этом сарае.

Сытник усмехнулся в ответ.

– Если проживёшь с моё, то врага будешь чувствовать за версту.

– Пока я чувствую только запах гари.

– Ну, не без этого. – Сытник направил телегу в сторону Тёмкиного постоя. – Заедем к «другу», заберём провизию и в путь.

– И куда мы, на ночь глядя? Давай переночуем у него, а утром по светлому поедem. Думаю, сейчас нас ни кто искать не будет.

Сытник задумался.

– И то верно, но выехать нужно до рассвета.

– Согласен.

Усталость брала своё. Говорить не хотелось. Хотелось растянуться в тёплой избе на мягких перинах и закрыть глаза. Скоро подъехали к постое. Ещё не ложившийся спать Тёмка, выбежал на встречу.

– Я знал, что вы вернётесь. Спать не ложился, вас ждал.

Сытник буркнул в ответ:

– Утром тебе это зачтётся. Спрячь коней и телегу.

Спрыгнув на землю, он бросил поводья Тёмке. Мы пошли спать. Они зашли в дом, и хозяйка проводила их маленькую комнатку, в которой прямо на полу валялся тюфяк, подбитый соломой. Возмущаться на такое гостеприимство уже не было сил. Не раздеваясь, друзья рухнули на тюфяк и мгновенно уснули.

Следак проснулся от того, что его трясли за плечо. С трудом открыв глаза, он ни чего не понимая, уставился на Сытника.

– Тебе чего?

– Вставай. Нам пора.

– Куда пора? Только глаза закрыл.

Сытник чувствительно толкнул его в плечо.

– Вставай, говорю! На том свете доспишь.

Понимая, что от него не отвязаться, Следак нехотя поднялся на ноги.

– Говорили, что ты изверг, но что такой...

Получив подзатыльник, и не успев договорить, он вылетел из комнатки. Пройдя в большой гостиной зал, они столкнулись с хозяином. Как ни странно, но Тёмка был на ногах.

– Ты что, ещё не ложился или уже встал?

Тёмка затряс головой.

– Нет, я не ложился. Я вам в дорогу собирал.

Он протянул им две котомки, набитых какой-то едой. Сытник взял у него из рук эти сумки и пошёл из избы к своим любимцам. Следак остановился, достал из своего кошелька несколько монет и положил их в руку Тёмке.

– Вот возьми. Будешь честно трудиться, у тебя всегда будут монеты. Бросай ты своё лихое дело, да дружков своих, а то ненароком в острог к воеводе попадёшь. Там таких не жалуют.

Тёмка в ответ только мелко кивал головой. Сытник вывел выпяженных из телеги коней во двор. Вытряхнув из кожаного мешка припасённое оружие, он прицепил к поясу меч, а длинный кинжал воткнул за голенище сапога. Остальное, аккуратно сложив обратно в мешок, туго перетянул завязками и прикрепил к седлу Соколика. Сумки с едой он передал Следаку.

– Крепи, чтобы не болтались.

Тот принял их и начал приторачивать к седлу Вьюна. Сытник тем временем подошёл к Тёмке и посмотрел ему прямо в бегающие его глаза.

– Телегу с товаром откатишь на площадь. У восточного въезда найдёшь толстую торговку квашеной капустой. Ей передашь товар.

Тёмка удивлённо смотрел на Сытника. Сытник видел, что тот ни чего не понимает.

– Что ты на меня так палишься? Товар передашь торговке, а телегу можешь взять себе.

Теперь понял?

Услышав последние слова, Тёмка заулыбался и закивал головой.

– Понял. Понял я тебя. Всё сделаю, как ты сказал.

Сытник вскочил в седло.

– Смотри, на обратном пути я проверю, как ты всё понял.

Наконец-таки, закрепив у седла мешки, Следак запрыгнул на Вьюна.

– Если, кто спрашивать будет, ты нас не видел. Телегу пока спрячь, от горя подальше.

Дав последние наставления Тёмке, друзья направились к северным воротам города. Благополучно выбравшись из него, они пришпорили коней и понеслись навстречу восходящему солнцу.

Глава 5

Рурик бесцельно бродил по детинцу. Все его мысли сейчас были об одном – только бы его люди добрались до Китежа. Обратная дорога не беспокоила. Старцы найдут способ, как провести золотой обоз в Новгород. Они давно ждут от него вестей и наверняка продумали обратный путь. Сытник и Следак не ведают, что пойдут обратно с обозом, гружёным золотом. Так оно будет лучше. Меньше знают, дольше проживут. О связи с тайным Китежем ни кто знать не должен. Это последний оплот, строящегося государства. Погибнет Китеж, не будет и земли Русской. Желających прибрать к своим рукам земли Новгородские предостаточно. Только, что потом останется от народа, от их традиций, от зарождающейся великой нации? Нет. Он не может допустить, что бы с таким трудом, создаваемая им основа всего просто рухнула в угоду беспринципным и алчным завоевателям. К тому же он слово дал старцам, что не пощадит жизни своей, но сбережёт с таким трудом открытые Западные Врата. Когда-то давно, его привёл Род в таинственные пещеры и познакомил с Атеоном. Там, в этих пещерах, старцы рассказывали ему о далёких предках и их наследии. То, что Рурик увидел там, его не просто поразило. Увиденные золотые пластины с древними текстами, свитки и другие артефакты, свидетельствующие о том, что наши предки с далёких звёзд жили здесь и оставили после себя завещание, заставило его пересмотреть свои духовные ценности. Сами старцы, неведь откуда появившиеся в этих пещерах, говорили о мироустройстве, о непрекращающейся Великой войне Тёмных и Светлых сил. Говорили, как победить в этой войне и показывали свитки со странными не понятными ему буквами, оставленными нам расой Славян и Ариев. Тогда он мало, что понимал в этом наследии. Не понимал и своей роли и роли своего народа в этом завещании. Но он верил Роду и Атеону. Не верить им было просто нельзя. Со временем пришла мудрость. Наследие предков уже не казалось таким непонятным. Перед его взором всё ярче стали вырисовываться великие просторы, на которых живут светлые душой люди. Нет ни войн, ни нищеты. Нет не горя ни безысходности. Все люди живут в мире и радости. Он первый, кто положит кирпичик в это наследие. Но как же тяжёл этот маленький кирпичик! На то, что бы его только поднять, уходит целая жизнь. Радует только одно, что за ним такой же кирпичик положит и его сын Игорь. Старцы научат его этому. Выдюжит ли? Не бросит ли он этот кирпичик на своем пути, так и не дойдя до конца и не уложив его в фундамент Великого наследия?

Рурик тяжело вздохнул и отошёл от окна в большой людской комнате. Поднявшись по лестнице, он прошёл в свои покои. Дышать почему-то было тяжело. В груди бушевал непонятный огонь. Он сел в кресло и приложил к груди ладонь. От её тепла стало чуть – чуть легче. За спиной тихо скрипнула дверца, ведущая в покои Ефанды. Княгиня подошла к мужу и обвила его шею руками.

– Что не весел мой князь? Тревожит тебя что-то?

Рурик повернулся в кресле и привлёк княжну к себе, усаживая её себе на колени.

– Тревожит, радость моя. Тревожит.

– Уж не за Сытника ли ты тревожишься?

Князь покривился лицом, но потом взял себя в руки.

– Не понимаю, почему ты его недолюбливаешь? Он один из не многих, кому я могу сейчас доверять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.